

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Казанский юридический институт

М.В. Андреев

ВОЙНЫ ПАМЯТИ.
Против перелицовки истории
Великой Отечественной войны

Монография

Казань - 2021

Войны памяти. Против перелицовки истории Великой Отечественной войны: монография / М.В. Андреев

Книга по направлению анализа и стилистике представляет собой исповедь представителей поколения «детей войны» и размышления авторов о ставках в войне, о героизме и безмерности страданий поколения военного поколения. Она личностна по замыслу и эмоциональна по воплощению. Одновременно она философична. Ведь речь идет о незаживающей ране большинства россиян, памяти о крупнейшей исторической «схватке» альтернатив – жизни и смерти, войны и мира, о важности адекватных исторических интерпретаций и исторических уроков. Угроза перекодирования генома человека и разделения народов на властелинов и рабов была реальной. Уничтожение СССР как цивилизационного проекта в его советской версии, натиск на Восток, перекройка карты мира и установление господства арийской расы – в этом состояла цель навязанной нам гитлеровской Германией войны. Огромной ценой советские народы отстояли свободу, независимость, право на жизнь. Война вошла в дом каждой семьи, разорив, обескровив, осиротив. Отбросила страну на исходные позиции начального рубежа двадцатого столетия. Ее осколок в памяти каждого, боль и по сей день не отпускает. Как не хватает нам добытчиков Победы! иной была бы судьба нации и каждого из нас. Ведь из нивы Жизни был вырван самый плодородный слой, наиболее совестливая, пассионарная часть народа. Авторы размышляют об адекватности исторических исследований, их волнует трансляция в сознание наших современников образов войны. Они фокусируют внимание не на возможных ошибках памяти, субъективности восприятия войны нашими современниками, а на комплексе факторов, определяющих представление о войне.

Книга адресована широкому кругу читателей – от молодежи до интеллектуальной, политической элиты. Всем, для кого сакральная тема «костра» войны, на котором предполагалось уничтожить неарийские народы СССР – России как «неполноценные», а города и села сравнять с землей.

P.S. Перелицовка истории Второй мировой и Великой Отечественной войны опасна ровно в той мере, какую несет пандемия нового коронавируса – по масштабам охвата и жертвенным последствиям.

Андреев М.В

Введение

Огромный интерес к Великой Отечественной войне – не только отзвук юбилея. Для россиян обостренная тяга к истории войны непреходяща и понятна: у каждого есть свои основания для счетов, связанных с той вселенской трагедией, счетов к ее инициаторам. Происхождение конфликтов глобального масштаба, мировых войн может для нашего молодого современника показаться проблемой сугубо специализированно-исторической, абстрактно-удаленной по причине давности во времени. В конце концов, и последствия войны можно изложить, избегая нравственных оценок и глубинного погружения-переживания. Например, в жанре констатации статистических потерь, перемены государственных границ, обретения трофеев и лавров славы. Но история Отечественной войны 1941–1945 гг. выпадает из шаблонного представления о войнах. Хронологически она вплетена в историю второй мировой войны, это хрестоматийный факт. Однако фронтальная боль потерь, в том числе на индивидуально-семейном уровне, неразрывно связана с утратами территориально самой большой и этнически предельно пестрой страны с многотрудной судьбой. Эта боль до сих пор вызывает к размышлению, поклонению, почитанию, поиску истины, парированию наветов.

Ключевое значение обретают в этой связи обязательства Памяти как связующего звена поколений и как святого долга и перед предками, и перед потомками. индивидуальное знание и представление о разломных испытаниях истории мозаично, подвержено влиянию сиюминутных политических и ситуативных факторов, по определению не системно, «осколочно». Тем важнее увязать его с эпохой трагедии беспрецедентных потерь – краха несбывшихся мечтаний, нереализованных талантов, пылких дерзаний миллионов людей.

Да, земля горела не только под ногами оккупантов. О коллективном подвиге Сталинградской битвы написаны тысячи страниц. Но частью эпопеи на Волге были и потери мирных жителей, не эвакуированных на левый, восточный берег... Дежурная графа анкеты «были ли Вы или Ваши родственники в плену или на временно оккупированной территории?» ушла в небытие только с началом перестройки...

Приведенные ремарки по поводу неизбывности горечи и «вечного эха» сражений, новый взгляд на самую кровопролитную и до сих пор не постигнутую умственным взором «проклятую войну» напоминают о многозначности задачи современного осмысления истории 1941–1945 гг.

Нынешние искажения роли, которую сыграл СССР в войне, выступают не только геополитическим заказом, продиктованным определенным умыслом. В основе фальсификаций могут лежать застарелые фобии, недомыслие, банальное невежество и т.д. Но версию заказного характера переписывания истории нельзя отвести, отбросить в случае, например, со спланированной психологической операцией ХиАГ (Общество взаимопомощи бывших членов войск СС). Цель операции – увести разговор от преступлений войск СС. Тиражирование и муссирование темы о невиновности солдат рейха, выполнявших приказ и не осведомленных о деталях политики нацистского режима¹.

В этой связи пафос советской контрпропаганды, исчезнувшей с крахом СССР, за которой последовала западная трактовка событий войны, должен получить новое содержательное и личностное наполнение. Думаем, это послужит лучшим опровержением попыткам переписать историю, инициативам, имевшим, например,

¹ Гаспарян А., Куликов Д., Саралидзе Г. Эхо войны. Неудобная правда. СПб, 2019. С. 149, 150.

место в Германии – убрать советские танки из района берлинского парка Тиргартен в связи с позицией России по украинскому вопросу². Бесспорно, исторические тексты, объективность и всесторонность анализа противостояния в страшные годы тесно связаны с историографией, то есть истории исторической науки. Этому сюжету посвящена первая глава. До сих пор неисчерпаем по уникальности информации, деталей, ускользнувших от истории и личностный, семейный аспект восприятия войны. Внести посильный вклад в воссоздание картины минувшей войны попытались и авторы предлагаемой книги. «Горячей» темой остается и вопрос об уроках Второй мировой войны, о путях предотвращения новых катастроф через мобилизацию усилий международного сообщества, солидарность людей доброй воли.

Великая Отечественная война для каждого нашего соотечественника стала экзаменом на верность, способность к каждодневному и экстраординарному подвигу. Для современного поколения она служит призывом к нетрафаретной сопричастности к «великим тем годам», к поиску истоков Победы на уровне семей, деревень, городов. Долгое время история войны и ее уроки были в исторической литературе запрограммированы на констатацию заданных тезисов. Они тиражировались в колоссальном числе изданий. Подобного объема мемуарной литературы не дал ни один период советской истории, но большинство воспоминаний написано людьми в погонах и относились к сугубо военной стороне событий. В новом, XXI веке вектор осмысления склоняется в сторону персональной, краеведческой, генеалогической, повседневной истории. Разумеется, не потерял значения общесоюзный формат взгляда на роковые события. Он предполагает размышления о

² Андриевская А. Танки «грязи» не боятся // Культура. 2014. 5-11 сентября. С. 3.

виновниках трагедии, о блокаде Ленинграда, о вкладе регионов и республик в Победу, о цене Победы, о роли советской дипломатии и многих других проблемах. Именно эти темы в той или иной мере нашли отражение в предлагаемой монографии.

Г л а в а I. Историография Великой Отечественной войны: мифологемы или приближение к подлинности

§1. К историографии Великой Отечественной: векторы переосмысления

*Нет, не вычеркнуть войну. Ведь она для поколенья – Что-то
вроде искупленья, За себя и за страну.*

Давид Самойлов, поэт-фронтовик

Тема войн, их влияния на международный престиж России, ее идентичность принципиальна. В ряду военных способов в арсенале средств выживания страны с повышенными рисками вторжений в ее пределы, захвата территорий есть особые войны, Отечественные. Они отмечены высотой ставок, предельностью напряжений и мобилизации общества, неизбежностью утрат. Все это – часто в непостижимом и неведомом для других государств измерении. Память о Великой Отечественной войне как эпицентр, нерв истории российской цивилизации составляет фундамент оценки четырех неизбежно тягостных. В то же время она служит стержнем и кодом национального сознания. Отношение к событиям на военных, дипломатических, трудовых фронтах той Великой войны, к событиям, прописанным в анналах мировой истории и пока не прописанным, принципиально важно для самоопределения современных россиян.

Образы ревущих немецких танков, взрывающих хрупкие преграды восточных обреченных на «упорядочение» племен,

проклятие пленения, коллективный подвиг эвакуации, цена Победы, заплаченная всей землей – вписаны в историческую память не только на мемориальном уровне фотографий и кинохроник, музейных экспонатов. Безоговорочная моральная победа, добытая поколением роковых 40-х, имеет приоритетное значение для общественного сознания и в XXI веке. Она как ключевое обозначение национальной 1000-летней памяти о корнях, поныне входит в состав идеологических конструкций. Фундаментальный для идентичности пласт памяти о второй мировой войне очевиден для политико-идеологических структур западных стран. Не секрет, например, что в американских учебниках оценочной доминантой учебников по истории является тезис о том, что победили в войне США при участии союзников и СССР.

Историография войны обильна, объемна, она представлена в разных жанрах, широчайшим можно назвать спектр фокусировок взгляда и оценок, солиден «стаж» ее существования, восходящий к концу 1930-х гг. «Шершавый язык плаката», лаконичность, спрессованность мысли и слога были присущи и советским журналистским очеркам, и историческим текстам довоенного времени. Инерцию трудно было преодолеть сразу после войны уже по причине масштабов шока, грандиозности числа участников эпопеи, да и по причине состояния науки. Это предопределило репортажный стиль, формат материалов о войне, инерцию формул, частично сложившихся под влиянием «харизмы» сталинских оценок, присущих первому послевоенному этапу рефлексии о войне не только в советской публицистике, но классических научных изданиях. Следствием объективных обстоятельств, определявших историографическую канву и глубину, стал схематизм освещения личностно-гражданских мотивов поведения в чрезвычайной ситуации, в оценке побуждений участников войны.

Формат осмысления проблем и болевых точек истории Великой Отечественной постепенно менялся. В советской

историографии последующих десятилетий Ю. Поляков подмечает здоровое зерно направленности и повествовательных сюжетов на вечную тему в условиях эры идеологии. Сквозь «стандартно-казенную фразеологию» и «цитатно-апологетическую шелуху» в советскую историческую литературу неизбежно проникали новые живые сюжеты, реальные факты, «подтверждающие организующую роль партии в военное время путем примеров подвигов подлинных героев войны – от рядовых до генералов, от фронтовиков до тружеников тыла. Доля зафиксированных в советской исторической литературе биографий, значимых для победы подвигов и поступков – не в пользу секретарей обкомов, генералов или маршалов, а в пользу рядовых граждан, бойцов партизанских отрядов, работников фабричных цехов, колхозных полей»³.

Удаленность от потомков военного времени способствовала широте амплитуды колебаний, разноречивости оценок, одновременно подхлестывая градус дебатов по вопросам - граням незаживающих ран. Уже полувековой юбилей Победы породил споры вокруг подсчета потерь, цены Победы, роли западного и восточного фронтов, специфики советского коллаборационизма, обнажил ракурс войны и состояния советского общества, ответственность за возможные результаты войны⁴. Началась дискуссия вокруг генерала А. Власова. Напомним, что на Западе публикация о военном сотрудничестве с немецкими оккупантами стартовала в 1940-е гг., она характеризовалась антисоветскими акцентами и подоплекой. Продолжение тема получила на научной конференции в Люнебурге (Германия, 2003 г.), посвященная проблемам коллаборационизма.

³ Поляков Ю. историческая наука: люди и проблемы. Кн. 2. М., 2004.

⁴ Чубарьян А. Война и судьбы мира. Проблемы исторических исследований // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 47–57.

Глобальность и последствия второй мировой и Великой Отечественной войны по сей день служат одной из причин полярности суждений о ней, включая определение природы, характера и результатов войны. К тому же отечественная историография, мемуаристика и тексты других жанров к концу XX века еще не избавились от инерции историописания в духе холодной войны и «лагерного мышления». Соответственно, в учебной литературе преобладал стиль констатации, схематизм постановки проблем трагедии и масштаба войны, мотивов мужественного поведения офицеров, солдат, включая жертв репрессий, а также гражданского населения. В советскую эпоху в ряду консультантов капитальных трудов отсутствовали имена Г. Жукова, А.М. Василевского и других славных маршалов. Эту лакуну усугубило выпячивание значимости для Победы партийных лидеров Н. Хрущева и Л. Брежнева. Со второй половины 1980-х гг. ситуация зримо эволюционировала: появилась возможность критически оценивать события войны без оглядки на «политическую лояльность». Объектом осмысления в отечественной науке и публицистики стали «включившиеся» в дискурс версии зарубежных авторов, материалы западных СМИ.

Важным импульсом переосмысления истории войны послужило расширение круга источников, и этот процесс продолжается. Доступ к документам высшего государственного и партийного руководства – материалам Политбюро, МиДа, Ставки Главкома создавал предпосылки глубинного взгляда и преодоления деформаций, обусловленных политико-конъюнктурными факторами.

С 1990-х годов в советское пространство науки и публицистики вовлекаются зарубежные экспертные и исследовательские оценки, в том числе историософские. Американский профессор истории Глен Жансон в переведенной для российских читателей статье кратко обозначил свое видение так: война «избавила мир от самых ужасных в истории режимов, положила путь к беспримерному

расцвету. Она разбудила в людях патриотизм, выявила цинизм правых и левых экстремистов и дискредитировала расизм как идеологию».⁵

За прошедшие после войны годы изданы колоссальных объемов публикации популярного жанра, что усилило риск фальсификации военных событий и сюжетов, их подоплеки и значимости. Наметилась тенденция дискредитации факторов и истоков Победы, военных операций. Многие издания 1990-х годов по тональности выдержаны в духе суда над историей Великой Отечественной войны, что деформировало понимание сути событий в панораме глобальных процессов.

С распадом Советского Союза многие разломы общественного и национального сознания, возгорание межгосударственных конфликтов и локальных гражданских войн на территории бывшего СССР сопровождались «переписыванием» эпохальных событий истории по принципу от противного, провокационный, заказной и конъюнктурный характер многих публикаций стал тенденцией историописания. издание в России огромным тиражом книги В. Суворова (М., 1992) «Ледокол» привлекло внимание широкой общественности, что стало индикатором потребности в новом прочтении известных событий. «Пожалуй, впервые в нашей стране, – отмечает М.И.Мельтюхов, – столь резко был поставлен вопрос о переоценке событий кануна Великой Отечественной войны»⁶.

⁵ Глен Жансон. Третий фронт. Чем обернулась война для Соединенных Штатов // Родина.1995. № 5. С. 38–41.

⁶ Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3. С. 4.

В. Суворов (Резун) предложил свой взгляд на войну, муссируя тему превентивного удара как стратегической цели Сталина. Попав на одобренную контрсоветскими идеологическими метаморфозами почву, версия пользовалась ажиотажным интересом и популярностью у читателей, не имевших практики критического восприятия, внутренних защитных сил, заслонов по отношению к историческим манипуляциям. Не было у советского читателя иммунитета против «историокопателей». Тиражи новых сенсационных бестселлеров о виновниках войны была не в состоянии перекрыть ни одна научная публикация историков – бывших соотечественников «потрясателя устоев» советской историографии. Хотя документов, подтверждающих агрессивность намерений СССР в отношении Германии, по большому счету, нет.

Публикации Резуна спровоцировали взрыв интереса к проблеме идейно-политического родства режимов Сталина и Гитлера. Квинтэссенцией, служившей основой ныне уже потерявших былую привлекательность версий. Муссировалось предположение, будто все действия коммунистов мира базировались на вере в неизбежность мировой революции⁷. В отличие от Льва Троцкого, автора теории перманентной революции, наученный горьким опытом советско-польской войны и. Сталин якобы изменил стратегию. Он взял курс на создание военно-промышленного комплекса и приоритет

⁷ Заметим, что комплекс сомнений в справедливом характере войны советского народа и вины фюрера в ее инициировании сложился задолго до писаний Суворова. «Планом М» обозначали возможные военные операции и противники СССР в послевоенные годы. Французский писатель Андре Вюрмсер сообщал: «В самый разгар холодной войны газета «Фигаро» опубликовала «План М», то есть план предстоящего вторжения в Западную Европу Советской [Красной] Армии». Английское правительство сухо опровергло фальшивку.

оборонных усилий с тем, чтобы использовать ожидаемую, носящуюся в воздухе войну в качестве трамплина к завоеванию мирового господства. В.Суворов утверждает, что Сталин поддержал нацистов, способствовал их победе в борьбе за власть в Германии, подтолкнув тем самым Гитлера к войне и создав тем самым «ледокол» мировой революции⁸

Отметим, что в целом гипотеза Резуна и его последователей была успешно опровергнута современными историками и публицистами⁹. Ведущий научный сотрудник института военной истории Министерства обороны РФ правомерно парировал версию Суворова так: германское руководство не имело в своем распоряжении убедительных данных для предъявления СССР обвинения в подготовке агрессии против Германии¹⁰.

Оппонентами этой версии выступили советские историки В.А. Анфилов, М.А. Гареев, А.Н. Мерцалов, А.С. Орлов, М.Ю. Мягков, А. Исаев, Ю. Мухин. В ряду оппонирующих стоит имя Я.М. Поливанова, который рассматривает проблему генезиса Первой и Второй мировых войн в формате неразрывности – как единого целого, что подразумевает распространение ответственности за

⁸ *Суворов В.* Ледокол-День М. М.,1995.

⁹ *Исаев А.* Анти Суворов: Большая ложь маленького человека. М., 2004; *Мартирисян А.* Трагедия 22 июня. Блицкриг или предательство. Правда Сталина. М., 2006; *Пыхалов И.* Великая Оболганная Война. М., 2005 и др.

¹⁰ *Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 17.

возникновение мировых конфликтов на руководящие круги Великобритании, а в случае со второй мировой и на США¹¹.

Ещё один контраргумент состоит в том, что РККА к нападению в 1941 г. не была готова, ибо оставаясь технически слабо вооруженной, она и в количественном отношении проигрывала вермахту. Справедливости ради заметим, что для военных историков бесспорен факт, что вермахт количественно РККА никогда не превосходил. Иное дело – качество германской военной машины, в частности, характеристики немецкой танковой техники¹². После книг Суворова градус дебатов накалили публикации В. Астафьева, Г. Владимова¹³ и других авторов, вскрывавших «раны» исторической памяти. Все приведенные обстоятельства предопределили потребность в новых координатах осмысления, в антропологическом измерении анализа, ориентирующем на историю персоналий, краеведческие, генеалогические и т.п.

И все же основной посыл В. Резуна и его сторонников базируется на посыле о выжидании иосифом Сталиным благоприятного момента для внезапного удара по рейху. Вероятной датой агрессии СССР они считают момент высадки гитлеровских войск в Англию. То есть, по замыслу «резунистов», коварные коммунисты планировали дождаться, когда на европейском континенте не останется немецких солдат, чтобы нанести простодушному Гитлеру смертельный удар, попутно, конечно, не забыв захватить всю континентальную Европу.

¹¹ Поливанов Я.М. Образы Второй Мировой войны: версии и реалии. Казань: Центр инновационных технологий, 2013.

¹² Поливанов Я.М. Указ. соч. С. 85–120.

¹³ Владимов В.Н. Генерал и его армия. М., 2015.

Теоретическая подоплёка версии о вынашиваемых Сталиным планов захвата Старого света парируется достаточно просто: ведь после смерти В.Ленина и изгнания Л.Троцкого за пределы страны Советов направление внешней политики СССР было кардинально пересмотрено. Рассмотрение же военно-стратегической возможности нападения Сталина требует специального интереса исследователей.

Для начала попытаемся разобраться в деталях операции по захвату немцами Великобритании. Германский план вторжения на острова предусматривал участие двух групп армий. Главная роль отводилась «Группе армии А» под командованием фельдмаршала фон Рунштедта (16-я армия генерала Эрнста Буша и 9-й армия генерала Адольфа Штрауса). Вспомогательный удар предполагалось осуществить силами группы армий «С» фельдмаршала фон Лееба (6-я армия фельдмаршала Вальтера фон Райхенау). Всего в зависимости от варианта плана вторжения в процессе высадки должны были участвовать 25–30 дивизий Вермахта, в том числе 6 танковых и 3 моторизованных.

Согласимся, это достаточно грозная сила. Однако следует учитывать, что Гитлер выделил для разгрома Англии только 30 из 170 имеющихся в его распоряжении дивизий. Танковые части фюрер также планировал приберечь – из 10 имевшихся у него на момент падения Франции танковых дивизий на покорение Англии направлялись только шесть¹⁴.

В итоге приходится констатировать, что нападение Советского Союза на Германию в момент вторжения последней на Британские острова не несло бы столь значимых выгод, как обрисовывают «резунисты». Ведь львиная доля германской военной мощи оставалась на континенте. Конечно, Люфтваффе были бы

¹⁴ Поливанов Я.М. Генезис Мировых войн XX века. Размышления историка. Казань, 2018. С. 143.

задействованы в сражении за Англию полностью, до последнего самолёта. И этот аспект нельзя игнорировать. Однако присутствие оставшихся за рамками операции «Морской лев» 140 гитлеровских дивизий практически гарантировали надёжное прикрытие германских тылов с Востока.

С другой стороны, «удобный» для Сталина момент нападения на Германию в 1940 г. всё-таки существовал. Но он отнюдь не был связан с предполагаемой высадкой гитлеровских войск в Англии. И это справедливо как в контексте политики 1940-го, так и 1941 года. Проанализируем возможные варианты подробнее.

Нападение на Гитлера в момент, когда он победно наступал на Западе в рамках операции «Гельб», т.е. в мае-июне 1940 г. в военном отношении имело бы выгоды. Однако в таком случае гарантированно повторился бы сценарий 1914 г., когда Николай II ударил по Германии и, по существу, выиграл операцию в пользу Антанты. Однако рассуждая о гипотетическом нападении на Гитлера в мае 1940 г., необходимо помнить, что никаких военных обязательств перед Францией в 1940 г. у Советского Союза, в отличие от царской России, не было. Отметим также, что наши бывшие союзники по Антанте рассматривали СССР как наиболее вероятного противника и не только не отличались дружелюбием, но и планировали откровенно враждебные действия.

Аргументом в пользу отказа от советского наступления на Германию в мае месяце следует считать и практически нулевую вероятность прибрать к рукам всю Европу. Смысл в том, что в случае успеха и разгрома третьего рейха последовал бы неизбежный конфликт со спасённой таким образом Францией, Англией и ее доминионами. Либо пришлось бы возвращать захваченные земли. Проще говоря, эта стратегия также не отвечает основным принципам версии Резуна о плане захвата Сталиным Европы.

Совершенно другим было бы осуществить нападение на Германию в 20-х числах июня 1940 г. Возможно, даже в день

капитуляции Франции – 22 июня 1940 г. Этот сценарий сулил бы Сталину, на наш взгляд, максимум выгод.

Во-первых, германская армия по итогам войны на Западе была раскидана практически по всей Западной Европе (Франции, Бельгии, Голландии и т.д.) Тылы Вермахта также были развёрнуты на Запад. Это означало, что в случае удара Сталина экстренная перегруппировка и переброска немецких войск была бы сильно затруднена и потребовала бы от стратегов из Цоссена титанических усилий. Хуже было с боеприпасами и ГСМ¹⁵. Напомним: военная доктрина «Блицкриг», которую использовали гитлеровцы, имела ряд экономических особенностей. Дефицит ресурсов и нежелание Гитлера излишне перенапрягать экономику рейха предусматривал следующую схему ведения войн. После молниеносного захвата какого-либо государства в ходе скоротечной военной кампании начинался период накопления ресурсов – боеприпасов, ГСМ, амуниции и т.д. Затяжная война в силу геостратегических особенностей Германии была немцам крайне не выгодна. Это было связано с ресурсным дефицитом и зависимостью германской экономики от поставок извне.

Во-вторых, в пользу нападения на Гитлера в 20-х числах июня 1940г. говорит факт, что сразу после капитуляции Франции запад Европы находился в подвешенном состоянии. С одной стороны, полноценного французского правительства уже не существовало. С другой, немцы ещё не успели в полной мере закрепиться на завоёванных территориях – институты оккупационной власти еще не функционировали. То есть в случае нападения Сталина и разгрома германских армий на востоке и в центре Европы, на чём усиленно настаивает Резун, французские территории попадали бы под контроль СССР практически автоматически, упав как «спелое яблоко».

¹⁵ Горюче-смазочные материалы.

Учитывая эти аспекты, приходится констатировать, что наиболее выгодным моментом для нападения на Германию был период с 22 июня по первые числа июля 1940 г. Да, технически одолеть вермахт было бы легче в мае месяце, когда на Западе ещё существовал фронт. Но в таком варианте развития событий возможность выхода Красной армии к Ла-Маншу и берегам Атлантики ставилась под серьёзный вопрос, а тотальной оккупации, скорее всего, не получилось бы. Думается, что это прекрасно понимало и военно-политическое руководство СССР. В данном случае резонно поставить вопрос: воспользовался ли Сталин «уникальной» возможностью, напал ли он на Гитлера в наивысший момент его уязвимости? Ответ известен и категоричен: нет¹⁶.

Исходя из приведённых аргументов, резюмируем, что захват Европы в 1940-1941 гг. Сталин не планировал. В противном случае Красная армия перешла бы летом 1940 г. в наступление. Для 1941 г. это справедливо тем более – прямая агрессия в отношении Германии в период её военного могущества выглядит затеей неблагоразумной. Превентивный удар, то есть вынужденное нападение с целью сорвать замысел противника, был бы интересен, и, возможно, принес бы нам ряд преимуществ. Однако и на этот шаг в Кремле пойти не рискнули, хотя имели все представления о коварстве Гитлера и его захватнических планах в отношении СССР.

Важно, что попытка осуществить запланированную агрессию с целью захвата всей Европы, как по этому поводу сетует Резун, выглядит и вовсе несуразно. Плановое «дистанцирование» от войны давало Сталину максимум выгод. К тому моменту без единого выстрела уже были успешно восстановлены почти все старые

¹⁶ Поливанов Я.М. Генезис Мировых войн XX века. Размышления историка. Казань, 2018. С. 147.

границы Российской империи, исключая Финляндию. Вступление в мировую войну в такой ситуации для СССР было явно нецелесообразно. А выручать столь «дружественный» по отношению к СССР Лондон, бросая советских солдат в пекло, как это сделал Николай II в 1914 г., спасая Францию, резона не было¹⁷

Помимо субъективной позиции авторов их трактовки зависят от геополитической конъюнктуры, политического режима, деятельности «фондов» и других факторов, влияющих на реконструкцию прошлого, в том числе на формирование образов войны, ее знаковых событий и явлений. На отечественной историографии эти реалии сказались в полной мере, в результате чего в XX веке не сложилось четкого и определенного видения ключевых образов войны. В 1990-е годы, с крушением системы административно-идеологического контроля над гуманитарными исследованиями наметились определенные новые тенденции и в методологически традиционных, и в нестандартных трактовках. Классовый подход к истории в конце века уступил место дискурсу ментальностей, а «ускорение бега истории» стимулировало интерес к ракурсу исторической памяти. Противоречивые процессы в исторической литературе проявлялись в политических оценках кануна и начала войны, эволюции ее образов, адекватность которых зависит от использования ресурсов синтеза военно-исторического и политического (включая дипломатические аспекты) анализа. Наблюдается поворот от истории событийной к аналитической, по-новому в этой связи представлена «народная» история. Нельзя утверждать, что она оставалась в забвении у публикаторов материалов, мемуаров о войне и т.д. Наряду с темами деятельности и

¹⁷ Поливанов Я.М. Образы Второй Мировой войны: версии и реалии. Казань, 2013. С. 151.

роли партии, практически повсеместными проявлениями патриотической позиции рядовых тружеников тыла, со стоянием и развитием тыловых районов, культуры, науки и здравоохранения получали освещение и сюжеты «экзистенциального» характера¹⁸. Но методологические прорывы на этом участке исторической науки наметились позже. Если на Западе специально-аналитический подход к человеческому измерению истории у исследователей наметился раньше, чем у отечественных. В России тенденция отчетливо прослеживается с середины 1990-х, когда утверждается междисциплинарный ракурс с его культурно-историческими и историко-психологическими акцентами¹⁹.

Мозаичность современных трактовок связана не только со сложностью темы. Память как часть коллективного бессознательного сама по себе обрекает историка на риск деформации истории. До сих пор сказывается и идеологическая подоплека переписывания истории. Такого «натиска» на историю не испытывала ни одна война. В западной литературе тезис, отражающий безоглядную веру в западные ценности и западные идеологические стереотипы, прослеживается даже в изданиях, преследующих глубоко гуманистические задачи развенчания нацизма и осуждения его злодеяний. Так, в книге английского историка, долгие годы работавшего креативным директором исторических программ BBC, обладателя целого ряда престижных наград за документальный фильм телеканала под аналогичным книжному изданию названием Лоуренса Риса, Вторая

¹⁸ Советский тыл в период Великой Отечественной войны. М., 1988; Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942–1943. М., 1989.

¹⁹ Поляков Ю. Категория «воинственность» как проблема военной истории // Клио. 2006. № 1. С. 34.

мировая война представляется «эпической борьбой между нацизмом и коммунизмом». В этом контексте смещение идеологических акцентов на исключительно идеологические уводит в тень захватнический, несправедливый характер войны, начатой фашистской Германией.

Проблема и угроза фальсификации истории в современном мире встроена в контекст исторических факторов политического развития. На этом фоне примечательна позиция нерешительной диалектики (принцип нерешительности), которой придерживается американский историк, профессор университета Вирджинии Алан Мегилл. Предлагая свои контуры исторического мышления, автор монографии по исторической эпистемологии исходит из постулата о том, что истинный историк «счастлив оставить свое суждение в пространстве между противоречивыми установками и утверждениями»²⁰. История, по версии мэтра, состоит и в рассказе, и в памяти о прошедшем.

Новый, антропологически заостренный ракурс эволюции политической культуры предложил в начале нынешнего века В.А. Тишков, который уверен в плодотворности диалога историков и антропологов в контексте изучения «молчаливой истории» или «истории без истории» (термин Эрика Вулфа). Тишков фиксирует внимание на взаимодействии государственной политики, гегемонии власти или отдельных групп и форм сопротивления как источников опасности экстремизма и нестабильности²¹. Однако принцип историзма применительно к военному времени советской истории

²⁰ Мегилл, А. историческая эпистемология. М., 2007. С. 72.

²¹ Тишков В.А. Новая политическая антропология // Антропология власти. В 2 т. / сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 54.

требует иметь в виду следующий факт. Советское общество и его отношения с властью и к власти претерпели за годы войны серьезную эволюцию.

Анализ эволюции, динамики и концептуальных моментов изучения предполагают синтез военно-исторического и политического анализа. К позитивным векторам следует отнести поворот, который можно назвать переходом к истории народной, массовой.

С другой стороны, акцентирование внимания к психологии «человека воюющего» означает переход от макроистории, истории-эпопеи к уровню микроистории. Смена акцентов означала вовлечение в арсенал исследователей и «ресурсов» микроистории. Анализ обыденной истории, зафиксированной в письмах фронтовиков, фильмах, фольклоре и т.д., составляют ракурс изучения образов войны в контексте проблемы смысла жизни²², чувств и переживаний, в результате бытие и быт смыкаются²³.

Следует заметить, что на Западе к человеческому измерению историки обратились два-три десятилетия назад. В России эта тенденция прослеживается с середины 1990-х гг. Если раньше большой пласт текстов был выдержан в жанре событийной истории, азачинщиками и участниками войны представляли «аспекты», «элементы», «факторы», то ныне востребован междисциплинарный

²² Основными модальностями смысла истории, отмечают исследователи, являются: собственное значение исторического явления, его исторический контекст; значение, которое придается явлению потомками с учетом отдаленной исторической перспективы; значение, которое ему навязывают отдельные люди и социальные группы, использующие авторитет прошлого в собственных политических целях. См. *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* история исторического знания. М., 2004. С. 13.

²³ См.: Я это видел... Новые письма о войне. М., 2005. С. 8.

подход с его культурно-историческими и историко-психологическими акцентами²⁴.

Новый взгляд на историю предлагают сторонники синергетического подхода. Так, издание В.Н. Сидорцова и В.А. Латышева аннотировано как первая попытка нетрадиционного представления о Второй мировой войне с позиций нелинейных социальных самовоспроизводящихся систем и попытка сконцентрироваться на приоритетах восприятия событий «маленьким человеком». По мнению авторов, синергетика в применении ее принципов к истории не только метод интерпретации фактов, но и подход, теория, модель решения исследовательских задач в области историографии, требующая необычного мышления²⁵. Как направление углубления представлений о войне данная заявка представляется примечательной и перспективной.

Феномен всплеска научных дискуссий, общественных дебатов по поводу предыстории и истоков второй мировой войны, роли государств-участников, оценок ее последствий, набрал обороты с 1990-х годов. Ныне он актуализируется по мере приближения 75-летия Победы. Реалии большой политики порождают парадоксальные, труднообъяснимые и на первый взгляд абсурдные повороты в официальной политике ряда государств. Так, на памятные мероприятия годовщины начала второй мировой войны польские власти представителей России не пригласили, приравняв роль СССР войне к роли Германии. На уровне подсознания манипулирование информационными потоками в западных СМИ и публикациях сводится к подчеркиванию важности высадки союзных войск в

²⁴ Поляков А.С. Категория «воинственность» как проблема военной истории // Клио. 2006. № 1. С. 7, 34.

²⁵ Сидорцов В.Н., Латышев В.А. Народ во второй мировой и Великой Отечественной войне: синергетический взгляд на историю. СПб., 2005. С. 314.

Нормандии, тиражируются материалы о событиях 1941 г. на американской военно-морской базе Перл-Харбор и т.д. «Фигурой умолчания» для бывших союзников стал Восточный фронт.

Помимо других причин ажиотаж перелицовки истории войны связан с узостью спектра и ограниченностью сюжетных рамок советской историографии. Она была запрограммирована на адекватность оценок масштаба, характера причин многочисленности жертв, лишений на фронте и в тылу, в том числе связанных с ошибками политического руководства. Но неопровержимость фактов вопиет о признании подлинного вклада советского народа в Победу не только по параметрам длительности Великой Отечественной войны и решающей роли сражений на Восточном фронте.

Известно, что немцы относились к населению оккупированных советских территорий с неизмеримо большей жестокостью, нежели к другим²⁶. О масштабности потерь СССР в сравнении с союзниками свидетельствует факт, что в США человеческие потери требовали деления математических дробей. Несоизмерима и степень мобилизации всех сил общества и государства. Результатом установки на победу любой ценой не только на фронте, но и в тылу стал факт, что СССР, уступавший противнику с суммарно-совокупными ресурсами и вооружениями государств оккупированной гитлеровскими войсками Европы, произвел оружия и военной техники, причем лучшего качества, вдвое больше. Все сферы жизни в Советском Союзе находились под государственным и партийным контролем, что усиливало мобилизационный ресурс системы. Быт и личные интересы ставились на последнее место в жизненных приоритетах огромных масс людей. Не будь нашей страны, выстоявшей перед чудовищной военной

²⁶ Хоскинг Дж. история Советского Союза. Смоленск, 2001.

машиной Гитлера, человечество могло быть отброшено на столетие и больше назад²⁷.

Упрощенное видение мировой схватки как борьбы двух зол²⁸ требует корректировки и существенных поправок уже по причине масштабности исторического действия, противоречивости и неизбежности для советских людей коллизий противостояния участников второй мировой. Л.Р справедливо отмечает, что «с постепенным уходом живых свидетелей отношение к нацизму и Второй мировой войне также будет меняться. Для моего поколения единственным способом разобраться в мире, в котором мы росли, было знать, что произошло во время Второй мировой войны». А вот для сегодняшних школьников нацизм – лишь часть огромной исторической мозаики, «которую нужно уложить вместе с римлянами, норманнами и Генрихом VIII»²⁹.

Обращение к историко-антропологическому методологическому подходу обогащает историческую науку психологическими, экзистенциальными ракурсами. Память поколений, переживших войну, настолько насыщена эмоционально-трагическим содержанием, что ее невозможно не учитывать. Это касается поколения всех стран-участников войны, которых она опалила или коснулась. Разумеется, разница в оптике видения военного прошлого своего народа, страны в государствах-представителях разных военных сторон, сохраняется поныне. Немцы не исключение, причем

²⁷ Кириллов В.В., Крючков Ю.Н. Влияние войн на развитие и международное значение России в мире // Военная мысль. 2008. № 2. С. 15, 16.

²⁸ См., например: *Рис Л.* Нацисты: Предостережение истории / пер. с англ. М. Козловой, А. Кальниченко. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. С. 10.

²⁹ Там же. С. 15–16.

для эволюции представлений о войне для новых поколений немцев по мере угасания эмоционально-образной памяти о мировой войне важен фактор СМИ. Так, после просмотра в январе 1979 года по телепрограмме американского художественного сериала «Холокост» 20 миллионами зрителей они «впервые(!) осознали страшную правду о трагедии «окончательного решения еврейского вопроса» и задумались о молчании или бездействии миллионов равнодушных сограждан». Однако признание злодеяний по отношению к народам СССР отторгалось массовым сознанием³⁰.

Несмотря на существенные сдвиги в историографии войны в новом содержательно-оценочном наполнении нуждается тезис о морально-политическом единстве советского общества. Требуется анализ соотношения социального, патриотического и национально-этнического компонентов общественного сознания по отношению к войне. Всплеск научных дискуссий, общественных дебатов по поводу истоков второй мировой войны, роли ее участников, характерный для 1990-х годов, не случаен: сказывались геополитические факторы, ситуация растерянности общественного сознания, отсутствие опыта критического отношения к «сенсациям» в исторической науке, оказавшейся к тому времени в состоянии кризиса. Перипетии противоречивых интерпретаций подпитывались конъюнктурными соображениями из области большой политики. именно об этом красноречиво свидетельствует уже упомянутый факт, что на памятные мероприятия годовщины начала второй мировой войны польские власти Россию не пригласили, разглагольствуя о равнозначности роли СССР и Германии как виновников войны. К со-

³⁰ *Никифоров А.Л.* историческая память и Великая Отечественная война // историческая память и диалог культур: сб. матер. Межд. молодежной научной школы. В 3-х т. Т. 2. Казань, 2013. С. 203.

жалению, одним из побудительных мотивов фальсификации истории замешан на стратегии развала современной России.

§2. Историческая память и покушения на ее адекватность

Великую веру в отчизну, В поддержку людей земли У нас отнимали жизни, Но веру отнять не смогли!

Юлия Друнина, поэт-фронтовик

Деформация памяти о войне, наблюдаемая сразу по ее окончании, так или иначе, нацелена на реабилитацию идеологии и практики фашизма. Это не просто «инфляция памяти», не просто ее ревизия. Многие мифологемы как результат манипуляций исторической реальностью и переписывания истории по приводящим соображениям являются целенаправленной деконструкцией образов мировой войны, диктуемой определенными государственно-политическими структурами Запада и восточноевропейских исторических «лимфотрофов».

Пик интереса к исторической памяти, характерный для нашего времени, не случаен. Он теснейшим образом переплетается с национальным сознанием, находится в пропорциональной зависимости с национальным самоуважением, ибо историческая память есть «сохранение и воспроизведение чувств, образов и представлений общества о своем прошлом».³¹ В действие вступают исторические амбиции и фобии, связанные с геополитическими претензиями. Особое место в череде военных конфликтов мирового и европейского масштабов занимают мировые войны XX века. Как эти сюжеты связаны с исторической памятью?

³¹ Никифоров А.Л. историческая память и Великая Отечественная война // историческая память и диалог культур: сб. матер. Межд. молодежной научной школы. В 3-х т. Т. 2. Казань, 2013. С. 200.

В гуманитарной науке принята точка зрения, что коллективная историческая память упорядочивает фрагментированную повседневность. Ее контуры, приоритеты и трансформации определяются не только объективными процессами или спецификой ментальности. В её формировании вольно или невольно участвуют, помимо профессиональных политиков, публицисты и историки. Историческая память – это конструкция, результат сознательного и бессознательного взаимодействия разнонаправленных факторов. В понятии память объединена совокупность представлений о прошлом, которые в данный момент становятся доминирующими и образуют нечто вроде разделяемого большинством конструкта³². Память предстает источником национальной идентичности, чувства причастности к конкретному социуму, который через общие представления и мифы узнает и позиционирует себя в общем прошлом и настоящем.

Память о Великой Отечественной войне включает обобщенную реконструированную память, сконцентрированную в исторической и художественной литературе, кино-, теле- и радиодокументалистике, в песнях, художественных фильмах. Отдельную нишу занимают СМИ и учебники истории. Все эти каналы трансляции памяти влияют на историческое сознание. Исторический сектор сознания охватывает и существенные, и случайные события, и систематизированную информацию (система образования), и порой хаотически неупорядоченную информацию.

Случайная информация, в том числе по истории войны, часто опосредована культурой окружающих человека людей, в какой-то мере традициями и обычаями, которые несут в себе представления о

³² Репина Л.П. Коллективная память и мифы исторического сознания // Сотворение истории. Человек. Память. Текст: цикл лекций / отв. ред. Е.А. Вишленкова. Казань, 2001. С. 321–360.

жизни народа и страны. Историческое сознание служит своеобразным фильтром конструирования исторической памяти. В свою очередь, историческая память – это определенным образом сфокусированное сознание, отражающее значимость информации о прошлом в ее связи с настоящим и будущим. Историческая память избирательна, акцентируя внимание на одних исторических событиях и игнорируя другие. Она нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных личностей формируются образы и нравственные ценности.

В западной гуманитарной мысли, вписанной в методологию социального конструирования, понятие коллективной памяти разрабатывается достаточно давно. Согласно Б. Шварцу, коллективная память представляет собой «репрезентацию прошлого, воплощенную как в мемуарном символизме, так и в историческом основании». В ином ключе расставляет акценты Э. Адамчик: в традиции, по его мнению, есть элементы, которые минимально связаны с оригиналом события»³³. Эти заключения бесспорны и должны быть приняты не только специалистами по эпистемологии и социологии, но и историками, в том числе историками второй мировой войны.

В отличие от индивидуальной истории, в реконструированной коллективной памяти факты, события и процессы выступают в осмысленной, систематизированной форме. Поэтому бытующая память о войне являет собой весьма противоречивый комплекс истинных и ложных знаний, понятий и образов. Примером служат мифы, тесно связанные с целенаправленной пропагандой ценностей, постулируемых в духе и смыслах присной памяти холодной войны.

³³ On the Thanksgiving and Collective Memory: Construction the American Tradition, Be Amy Adamczyk // Historical Sociology. Vol. 15. № 3. Sept., 2002. P. 360, 343.

Фишкой отдельных западных исследователей индивидуальной памяти с методологической точки зрения можно считать абсолютизацию психологических характеристик абстрактного индивидуума. Так, Д. Агамбен (США), представитель «психологического направления» дискурса памяти, настаивает на том, что страдание как таковое не поддается трансляции в слова без утраты сущности. Жертвы концлагерей под воздействием страданий утратили свойства, присущие человеческой личности, они не способны на память и свидетельство об исторических событиях. Это бесспорное утверждение конструктивно и расширяет панораму видения трагедии войны, когда идет речь о геноциде по отношению к узникам концлагерей. Однако абсолютизация такой оптики имеет обратную сторону соблазнов арифметического «суммирования» страданий. Так, ссылаясь на риски обобщенных образов, М. Ямпольский предлагает вырваться «за пределы культивирования преемственностей и коллективной памяти» и описывать историю в категориях множества³⁴.

Сектором коллективной памяти являются образы Великой Отечественной войны как апофеоз патриотизма. В этой связи любопытны для россиян мнения, высказываемые учеными некогда одной из союзных держав. Британский историк в книге, изданной в 1962 г., то есть в эпоху лагерного, блокового мышления, констатировал успех советской пропаганды в тактике сопряжения национального российского патриотизма с патриотизмом советским³⁵.

³⁴ Ямпольский М. Настоящее как разрыв // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 56, 57.

³⁵ Лайнбарджер П. Психологическая война. М., 1962.

Мифологемы воспринимаются массовым сознанием россиян как архетипы, лишенные динамики и связи с ситуативностью. Это еще одна лакуна для исследователей. Ведь в послевоенные десятилетия гуманитарии предрекали затухание споров по поводу восприятия войны. В надежде на то, что вымрут поколения, пережившие ее. Эти прогнозы не сбылись, в большинстве европейских стран они обострились³⁶.

Один из посылов западной историографии сводится к тому, что советская политическая и экономическая система продемонстрировала изначальную несостоятельность при ответе на вызовы мировой войны. В таком приговоре сквозит неприкрытая однозначность. А ведь по канонам большой истории, «браковать» систему как таковую в ситуации ЧП, к которой она небезосновательно готовилась в невыгодных для себя обстоятельствах бездарной игры европейских политиков 1930-х гг., равносильно абсурду.

Конечно, оценки в стиле приговора, можно понять, когда идет речь об определенном периоде, например, об июне 1941 г., когда система впала в ступор. Но ведь это исторически уникальный момент по критериям массированности удара противника-врага. Потребовалось решать многие задачи на основе взвешенного анализа, и система быстро сфокусировала усилия общества на военном участке ответа на вызовы истории.³⁷ Война с гитлеровской Германией «протестировала» степень способности системы собрать силы в единый «кулак». Образ сжатого в едином порыве мести зубодробительного «кулака», если прибегать к семантике пропаганды

³⁶ Вельцер Х. история, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 28.

³⁷ история и культурология. изд. 3-е. / Н.В. Шишова, Т.В. Акулич, М.и. Бойко и др.; под ред. Н.В. Шишовой. М.: Логос, 2004. С. 406.

того времени, безупречен, но советская страна стала символом единения, не всегда постижимого для зарубежных представителей социально-политических и гуманитарных наук.

Так, в последние годы за рубежом и в России получил распространение весьма растиражированный тезис о том, что война была противостоянием двух тоталитарных режимов, двух диктатур за мировое господство. В таком ракурсе вина за развязывание самой кровавой войны в истории возлагается равновелико и на Германию, и на СССР. От этого тезиса проистекают попытки вписать гитлеровский режим в координаты морали. Одним из сокрушающих тезис контраргументом, думается, служит феномен советского патриотизма в годы предельных испытаний.

Начальному этапу Великой Отечественной суждено было стать не просто «нервом» памяти и отечественной истории, индикатором оценок основных проблем. Историческая наука до сих пор почти бессильна, когда возгораются дебаты на тему о том, как могла случиться катастрофа 1941-го. Определение степени и характера виновности в инициировании войны приняло взрывной характер после публикаций книг В. Суворова, красной нитью которых был тезис-обвинение Советского руководства в подготовке нападения на Германию 6 июля 1942 г. Об этом уже мы писали выше. издания книг Резуна стали детонатором мифологизации и перелицовки интерпретации событий предвоенной истории. В результате дискуссий историки сошлись лишь в том, что в предвоенные десятилетия СССР действительно помогал Германии восстанавливать вооруженные силы Германии: в авиацентре обучались будущие немецкие летчики, в Казани обучали танкистов будущего врага, на полигонах «Томка» в Поволжье (1926–1933 гг.) испытывались средства химической войны, Германия получала горючее и т.д. Но эти контакты проходили в рамках обмена на экономическое сотрудничество, и СССР получал промышленное

оборудование и инженерные кадры для индустриализации. Это во-первых. Во-вторых, весь комплекс фактов истории мировой дипломатии, заключенные европейскими правительствами во второй половине 1930-х гг. договоры с Германией, ситуация в СССР в тот отрезок времени исключают категоричность обвинений советского руководства в инициировании войны.

Итак, тенденцией целого пласта публикаций конца 1980–1990-х гг. стало появление сенсационных с предыдущим периодом версий, ставивших под вопрос вину руководства фашистской Германии за развязывание войны. Это означало радикальный поворот в трактовке образа Германии, что породило всплеск дебатов в общественных и исторических кругах не только России, но и близкого и дальнего зарубежья. Дискуссионный режим обсуждения проблем, связанных с образами войны, активизировал исследования историков-профессионалов, в том числе по проблеме коллективной памяти о войне. Одним из важнейших документальных источников, изобличающих подлинных виновников по делу «Агрессия против СССР», служат показания обвиняемых и свидетелей Нюрнбергского трибунала над военными преступниками. Они подтвердили, что нападение на СССР было спланировано преднамеренно, без какого-либо повода с его стороны. Так, руководитель германской прессы и радиовещания Г. Фриче в показаниях заявил, что организовывал «широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз... Никаких оснований, чтобы обвинять СССР в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было».³⁸ Приговор Нюрнбергского суда гласил: «22 июня 1941 8года без

³⁸ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1960. Т. V. С. 569.

объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами»³⁹.

Помимо принципиальных аспектов темы о роли СССР в Победе по разным причинам остаются недостаточная изученность многих аспектов. В значительной степени «terra incognita» остается история противостояния пропагандистских структур, не завершено концептуальное осмысление истории войны в контексте противоборства идеологием. Слабо изучено влияние идеологии сталинизма на оформление и реализацию волюнтаристских подходов в сфере социокультурной политики, изменение государственной политики в отношении церкви и религии. И это не случайно. Война имела своим истоком, помимо экономических конструкторов, идеологизацию международных отношений. Она была порождена эпохой предельной политизации, в том числе идеологизации сознания. Выявление и научное «сепарирование» геополитических, ментально-ситуативных факторов, толкавших к войне, поможет по-новому оценить социологию войны.

Особым маркером состояния исторической памяти служит умножение этнополитических границ: распад Советского Союза имел следствием и мозаичную множественность трактовок истории мировых войн, прежде всего Второй мировой войны. Особенно явственно это было заметно в Прибалтике в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Ныне конфликтogenность темы войны отчетливо проявляется на Украине, превратившейся после распада СССР в арену политических сражений посткоммунистического и национально-либерального лагерей.

³⁹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1960. Т. V. С. 359.

Ситуация усугублялась тем, что, по мнению М. Рябчука, идентичность украинцев (и белорусов) в гораздо большей степени была разорвана по линии «советский–антисоветский», в отличие от общества центрально-европейских и прибалтийских соседей. При этом постсоветская номенклатура оставила себе свободу трактовки важных пунктов национального нарратива, который лег в основу школьных учебников, породил новые национальные символы, памятные даты, пантеон героев и антигероев. Это касается и участников Украинской патриотической армии (УПА). В целом в период президентства В.Ющенко «политика памяти в исполнении новой власти, при всей своей непоследовательности и часто вопиющей, – заключает историк, – все же не является сознательно-манипулятивной и цинично-оппортунистической. как у предшественников» (Л. Кравчука и Л. Кучмы)⁴⁰.

В свете изложенного очевидна сложность проблемы адекватности памяти и «верификации» подлинных процессов, событий и личностно-обще-«общинных», экзистенциальных переживаний.

§3. Образы войны

*Музыка жизни опошлится бы, если бы порвались струны памяти.
Хорошо бы вырвать с корнем только сорные травы и оставить
цветы.*

Джером К.Джером

⁴⁰ *Рябчук М.* Культура памяти и политика забвения // Отечественная история. 2007. № 34(1). С. 54.

Тема образов событий «завязана» по своей сущности с мифом как категорией философского осмысления. Ныне признано, что мифология не сводится к сумме исторических заблуждений. Миф – реакция на целостное знание о мироздании, его функция – организовать и регламентировать социальную жизнь – на ранних ее этапах полностью, а по мере усложнения социальной организации он выполняет эту роль совместно с другими формами идеологии, наукой и искусством.⁴¹ Периодически провозглашаемый кризис доверия к научному знанию и рациональному мышлению актуализирует проблему.

Если исходить из приоритетов конструктивизма, надо признать правомерность следующей максимы: образы Великой Отечественной войны воплощают обобщенное отражение действительности, формируемое пропагандой враждующих сторон, чувственно-рациональное воспроизведение прошлого, структурно перекликающееся с историческим нарративом. Структурно образ Великой Отечественной войны состоит из таких фундаментальных образов, как образ Родины, образ Победы, образ Германии, фашизма, обобщённый образ вооружённых сил и образ врага, изучение которых с современных методологических позиций только начинается. Роль активатора в создании образов играла пропаганда.

В одной из публикаций А.Я. Лившина и И.Б. Орлова авторы развивают тезис о том, что в 1939–1945 гг. пропаганда явилась одним из ключевых факторов достижения преимуществ над противником. На основе параллелей по поводу идеологического оснащения пропагандистской деятельности сторон они заключают, что в годы войны гораздо более существенную роль по сравнению с мирным временем играла активизация подсознательных, ментальных основ

⁴¹ Неклюдов С.Ю. Структура и функции мифа // Библиотека либерального чтения. 2000. № 9. С. 29

поведения, сознания и психики. Таким образом, без учета исторической и культурной памяти народа расчеты на пропагандистский успех зиждутся на зыбкой основе. Авторы справедливо констатируют, что обращение к патриотическому пафосу и символам, апеллирующим к исторической памяти, историческому наследию, воспринималось общественным сознанием с пониманием. Конечно, у части людей новый разворот подачи событий, патриотический дискурс и лексика вызвали поначалу замешательство. Ортодоксально настроенные граждане восприняли эти перемены как сдачу классовых позиций⁴².

И в канун войны, и на протяжении военных лет образ Германии формировался пропагандой Советского Союза при четком разграничении образов немецкого народа с одной стороны и правящей верхушки третьего рейха с другой. В этом очевиден гуманистический смысл советских образов войны. Факторами складывания и эволюции этих образов стали обстановка на фронтах, предельная критичность ситуации в 1941–1942 гг., объективно гуманная миссия СССР во второй мировой войне, масштаб человеческих и материальных потерь, мобильность пропагандистских служб и размах использования пропагандистских средств, включая кино-, фотоматериалы, кинематограф, степень адекватности освещения ими обстановки на фронтах и в тылу.

Есть основания считать, что история и ход военного противостояния в годы войны изучены достаточно полно, если иметь в виду факты, их фиксацию, констатацию. Гораздо менее разработано концептуальное осмысление истории противоборства идеологем, пропагандистское противостояние, пропаганда как механизм формирования исторических образов– составных элементов мифов.

⁴² Лившин А.Я., Орлов И.Б. Пропаганда и политическая социализация // Отечественная история. 2008. № 1. С. 100–101.

идеология как часть духовной культуры всегда содержит пространство мировоззренческих смыслов. В этой связи она сопряжена с понятиями власть, национальные интересы, идентичность, и в конечном итоге без идеологии не понять сущности человека и общества. Именно пропаганда противоборствующих или готовившихся к противоборству сторон заложила традицию конструирования образов врага, включая потенциального, образ Отечества. изучение образов войны ныне служит способом коррекции и углубления представлений о мотивации советских людей, позволяет сопоставить пропагандистские технологии противоборствующих сторон.

Е. Сениявская предложила новое русло анализа – психологическую разработку образов войны в сознании советского солдата. Она сделала предметом исследования идеолого-психологическую конструкцию образа врага как одного из феноменов массового сознания XX века, характерного для СССР. Отмечая деликатность темы, составлявшей прежде прерогативу спецслужб с их задачами спецпропаганды и психологической войны, Е. Сениявская замечает, что только в постсоветское время этот пласт проблем стал активно освещаться в теоретическом и историческом ракурсах⁴³.

Содержание образа врага обусловлено спецификой и историей межгосударственных отношений в предыдущие периоды. Представляется обоснованным предположить, что с учётом памяти о первой мировой войне образ Германии как потенциального противника был в СССР к 1939 г. уже сконструирован, и влияние на него пакта Молотова–Риббентропа не было столь уж существенным. Наиболее негативным следствием подписания этого документа стало

⁴³ *Сениявская Е.С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. –С.3,5.

отсутствие последовательной, целенаправленной разъяснительной пропагандистской работы. Это дезориентировало массовое сознание, негативные последствия чего усугублялись слабостью материально-технической базы советской агитационной машины. Нельзя не упомянуть и тот факт, что на момент нападения 22 июня 1941 г. Германия уже несколько лет находилась в состоянии войны, и её пропагандистские технологии были в полной мере отлажены, а ведомство Геббельса было мобилизовано на военные нужды.

Существенную роль в противостоянии пропагандистских структур сыграл факт сознательного отказа советским руководством в 1920–1930 гг. от изучения опыта первой Мировой войны. В этой ситуации советская пропаганда, для которой опыт недавнего военного прошлого был табу, подчинилась установке на тотальный пересмотр истории России как таковой. Результатом стало то, что всё приходилось начинать с чистого листа.

О неутешительности итогов пропагандистской работы царских служб в 1914–1917 гг. с их главным лозунгом о защите сербов от притязаний австро-венгерской короны в предвоенное время свидетельствует генерал А.А. Брусилов. Анализ неудач царской армии в годы мировой войны позволил ему заключить: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову – как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя». Одним из итогов такой информационной политики, точнее, её отсутствия, можно считать полностью распропагандированную армию в канун революции.

Большевики же отводили войне идейной составляющей принципиальную, если не главенствующую роль, и политической пропаганде в СССР уделялось в 1920–1930-е гг. большое внимание. Однако в сюжетах советских пропагандистских кампаний 1930-х гг. существовал пробел – анализ уроков первой мировой войны. В то же время германская пропаганда межвоенного периода продолжала раскручивать хорошо обкатанные ранее установки. В конечном счёте, идеология кайзеровской Германии – «Mitteleuropa» вполне подходила и для третьего рейха. Гитлер лишь отформатировал её в соответствии с национал-социалистическими догматами, не забывая упоминать о праве Германии на реванш за проигранную войну. Наглядным примером преемственности политики второго и третьего рейха по формированию общественного мнения является сюжет, описанный А.Н. Уткиным. Автор приводит обращение к солдатам командира 3-й немецкой армии генерала фон Айнема после окончания боевых действий: «Непобеждённые, вы окончили войну на территории противника». Легенда начала свою жизнь, чтобы лелеять идеи реванша – заключает автор упомянутой книги. Действительно, Веймарское правительство не было склонно к раздуванию подобных настроений, но несостоятельность версальской системы была очевидна. Любой немецкий политик, строивший свою линию на обвинении «Веймарского правительства» в предательстве, был запрограммирован на успех.

Несомненно, первая мировая война для политтехнологов третьего рейха являлась одним из стержневых сюжетов мифологем. В то же время советская сторона пренебрегала осмыслением своего недавнего военно-исторического прошлого, акцентируя внимание на значении завоеваний Октября 1917 г. идеологема сыграла вдохновительную роль в гражданской войне, но оказалось бесполезным раритетом в ходе подготовки к войне 1941–1945 гг.

И в канун войны, и на протяжении военных лет образ Германии формировался при четком разграничении образов

немецкого народа с одной стороны и правящей верхушки Германии с другой. В таком ракурсе очевиден гуманистический аспект советских образов войны. Факторами складывания и эволюции образов войны в 1941–1945 гг. были: обстановка на фронтах, степень критичности ситуации 1941–1942 гг., объективно гуманистическая миссия СССР во Второй мировой войне, масштаб людских и материальных жертв, мобильность пропагандистских структур, размах использования культурно-пропагандистских средств, включая кинофотоматериалы, степень их адекватности реальной обстановке.

Представляется правомерным сделать объектом анализа образ РККА. Неадекватность освещения темы мужества и стойкости советских солдат и офицеров в начальный период войны прослеживается в книге Б.Соколова. Сравнивая кампании вермахта против Польши, Франции с одной стороны и против Советского Союза с другой, автор находит, будто сопротивление Красной армии было намного слабее, нежели польской и ее союзников.

Приведем фрагмент из книги: «Красная Армия в первые дни и недели Великой Отечественной войны сражалась не лучше, а хуже польской и французской армии»⁴⁴. Автор книги далее размышляет на привычную для завоевателей тему о практически неограниченных людских ресурсах, бескрайности территорий, которые в решающей степени помогли России выиграть войну. Да, потерянная летом 1941 г. территория несоизмерима с оккупированными местностями Польши и Франции. Но и группировка войск фашистской Германии на границах СССР по плану «Барбаросса» была архисокрушительна. Сравним: вермахт в 1939–1940 гг. в количественном и качественном отношении был далек от параметров военной машины, обрушившейся на Красную Армию. Но этот параметр соотношения сил, важный для данного сюжета, Соколов выводит за скобки.

⁴⁴ Соколов Б. Красный колосс. Почему победила Красная Армия. М., 2007. С. 82.

В изучении пропагандистской дуэли СССР и Германии на современном этапе науки перемены очевидны. Изменился ракурс анализа, наметились поиски методики конструирования образов войны, эффективности пропаганды, нацеленной на победу. Знаковым стало издание сборника документов по истории пропаганды в годы войны.⁴⁵ Однако это только начало пересмотра комплекса методологических позиций.

Особенностями перестройки пропаганды на принципиально новый лад в начале войны были производные гипертрофированной политизации предыдущего периода. Сложно было сразу преодолеть инертность и зависимость от директив из центра. Это обстоятельство также сказывается на адекватности памяти и представлении о действительных процессах, событиях и переживаниях участников эпопеи. Использование комплекса исторических источников, включая визуальные, аудиозаписи, кинохронику, позволяет приблизиться к подлинности содержания борьбы глобального масштаба народов антифашистской коалиции, в первую очередь советского народа против попытки установить «новый порядок» в мире. Думаем, что наряду с новыми публикациями в контексте преодоления лакун в виде «белых пятен», автобиографий важно не оставлять «за кадром» публикации советские, в том числе изданные тогда мемуары участников войны, которые вызывают к новому прочтению эпохи и историописания того времени.

Общие тенденции эволюции пропагандистских посылов и акцентов прослеживаются по материалам на местах, в республиках и областях страны. Так, изучение планов районных отделов пропаганды и агитации Татарской республики позволяет выявить

⁴⁵ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А.Я. Лившиц, и.Б. Орлов. М., 2007.

тематические блоки. Первый условно примыкал к официальным установкам. Это, в частности, доклады о Ф. Держинском, консультации по «Краткому курсу истории ВКП(б)».

Второй блок условно включал информирование населения о событиях на фронте и природе фашизма⁴⁶. Третий блок составляли материалы по истории России. В план Бавлинского райкома партии на июль 1941 г. были включены консультации по истории народов СССР, доклады о победах РККА в 1918 г. в боях с немецкими оккупантами, об Отечественной войне 1812 года, разгроме немецких рыцарей на Чудском озере в 1242 году и их изгнании с русских земель⁴⁷.

В планах Татгоскнигоиздата под влиянием изменившейся ситуации снимались с издания 164 названия в пользу специальной актуальной литературы. Вместо «Очерков по истории Октябрьской революции в Татарстане», «Героического Китая» и «Культа святых в исламе» печатались популярные издания «Фашизм— лютый враг человечества», «Фашизм— это война» и др. Заново включены в план почти 200 тем, в том числе издания «Разгром Наполеона», «Взятие Берлина» и т.п.⁴⁸

Анализируя «военную» прессу Чувашии, К.Л. Андреев отмечает, что немаловажной формой воздействия на массовое сознание чрезвычайного времени стала публикация писем народов, населявших страну, к землякам-фронтовикам, а также мобилизацию ресурсов сети культурно-просветительских учреждений как элемента

⁴⁶ Центральный Государственный архив историко-политической документации РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 212. Л. 8.

⁴⁷ Центральный Государственный архив историко-политической документации РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 212. Л. 27, 29.

⁴⁸ Там же. Д. 203. Л. 69.

системы массовополитической работы. Резюмируя роль печати Чувашии в приближении победы, историк полагает, что имело место ретуширование многомерности войны и масштабов трагедии на существеннейшем геополитическом советско-евразийском монолите. Конечно, имели место «излишне оптимистические оценки хода военных действий на первом и втором этапах войны», но печать Чувашии играла немаловажную роль в мобилизации духовных сил.

Цитата из «Письма чувашского народа своим сынам-фронтовикам с призывом мужественно сражаться с фашистскими захватчиками», опубликованного 7 июля 1943 г., когда только начиналась Курская битва, от исхода которой зависели судьбы мира. Составители письма считали значимыми или были солидарны знаковыми с подвиги Козьмы Минина, Петра Великого, Чапаева⁴⁹. В начальный период войны пропагандистское и информационное пространство изменялось, конечно, не радикально. Но идеологическая «машина» к осени 1941 года взяла четкий курс на формирование устойчивого образа безжалостного и грозного врага. Появились исторические ссылки на ратные подвиги наших предков, лекции на тему «Славянские народы в борьбе против фашизма» и т.п. Для полномасштабного осознания образов этой войны нельзя проигнорировать образ предателя- коллаборациониста. исторические образы можно структурировать. С одной стороны, изучение исторических образов и идеологием войны неотделимо от осмысления исторической памяти как совокупности представлений о прошлом, которые становятся доминирующими и образуют нечто вроде

⁴⁹ *Андреев К.Л.* Отражение подвигов воинов Чувашии в республиканской прессе во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // история и регионология: грани пересечения: сб. науч. ст. Казань, 2007. С. 206–207.

разделяемой большинством исторической конструкции⁵⁰. С другой стороны, необходим классический научный анализ.

Отметим: эти два подхода зачастую могут друг другу противоречить. Тезис оправдан не только применительно к изучению образа предателя. Воссоздание исторических образов составляет ключевую задачу историка, так что ориентиром в изысканиях служит некое «примирение» научного исторического анализа с коллективной исторической памятью. Более того, пренебрежение одним из методов ослабляет параметр исторической концептуальности.

Прежде чем приступить к анализу темы коллаборационизма, обозначим одну особенность. Изучая коллаборационизм как явление, исследователь так или иначе вынужден обратиться к проработке сюжетов и персоналий, связанных с этим феноменом. Углубление в тему сопряжено с опасностью, подстерегающей как автора, так и читателя, а именно, проникнуться мотивами поведения, позицией определённой личности или целой социальной группы. Более того, существует определённый риск создания ложных логических цепочек для характеристики взаимосвязей поступков там, где их в принципе быть не могло.

Данное положение вещей проиллюстрируем строками из книги С. Кара-Мурзы, в которых автор ёмко характеризует особенности ассоциативного мышления и восприятия получаемой информации: «Они вели свободную игру, бросали искры мыслей – а мы додумывали, строили воздушные замки, включались в эту игру.

⁵⁰ *Коришунуова О.Н., Поливанов Я.М.* Фальсификация исторических образов как проблема функционирования коллективной исторической памяти // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 48–53.

На поверку ничего глубокого там не было, мы попались на пустышку, мы сами создали образ»⁵¹.

Возвращаясь к теме коллаборационизма, отметим, что на стороне третьего рейха действительно воевало большое количество солдат и офицеров антигитлеровской коалиции. Характерно, что из 38-ми существовавших дивизий СС только 15 являлись подлинно немецкими. Контингент остальных 23 дивизии был набран из представителей других национальностей и граждан других государств, не считая отдельных бригад, полков, батальонов и других формирований СС⁵².

Конечно, обильная концентрация иностранцев в Ваффен СС явилась результатом действия устава вермахта, который предписывал не принимать иностранцев на военную службу. Однако для немцев, по мере затягивания войны, одной из ключевых проблем была нехватка людских ресурсов, и на восточном фронте было найдено своеобразное решение – привлечение к работам «желающих помочь» (Hilfswillige). В литературе эти люди более известны как «Хиви» – по первым буквам в немецкой транскрипции. Генералы вермахта вопреки существующим приказам стали использовать перебежчиков на вспомогательных работах. «Хиви» привлекались к службе в основном на вспомогательных направлениях. Заметим, что, по мере того как перспективы побед для немцев становились всё более призрачными и несмотря на официальный запрет немецких властей, «хиви» стали включать в штатное расписание дивизий Вермахта.

Так, по данным генерала-майора Вермахта Мюллера-Гиллебрандта, в немецкой пехотной дивизии из 12 713 человек по

⁵¹ *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. Электронный ресурс: [http:// kara-murza.ru/Books.htm](http://kara-murza.ru/Books.htm)

⁵² *Шунков В.* Солдаты разрушения. М., 2003. С. 52.

штату предусматривалось иметь 2005 «хиви», т.е. около 16% (данные на октябрь 1943 г.)⁵³ Между тем Советский Союз, равно как и его союзники к массовому использованию на своей стороне гитлеровцев не прибегали, не считая случаев, когда задействовали пленных немцев в интересах разведки или пропаганды.

Изучая феномен коллаборационизма, нельзя не упомянуть одно обстоятельство. Для исследователей, чья деятельность сопряжена с образованием, ключевое значение приобретают оценочные характеристики персоналий и варианты трактовки различных сюжетов. В этой связи феномен коллаборационизма правомерно подразделить на вынужденный и осознанный. Дать оценочные суждения вынужденному или, как часто встречается в литературе, «бытовому» или экономическому коллаборационизму с моральной точки зрения весьма трудно.

Суть в том, что советские граждане, представители сугубо мирных профессий, оказались заложниками ситуации. Осуждать человека, работавшего как до оккупации, так и в условиях оккупационного режима, например, дворником или плотником и не пожелавшего (не сумевшего по тем или иным причинам) вступить в ряды партизан, не всегда правомерно. Дело в том, что «бытовые» коллаборационисты, работая на немцев, зачастую оказывались незаменимыми подспорьем для советской разведки. Особенно это относится к людям, обслуживавшим железнодорожную сеть на оккупированных территориях. Нередко благодаря усилиям этих людей, советскому командованию удавалось вычислять направления главных ударов германской армии.

Однако нужно сознавать, что критерии «бытового» коллаборационизма неприменимы в отношении военнослужащих – граждан, находившихся под присягой. Естественно, данные критерии

⁵³ *Muller-Hillebrand B.* Das Heer, 1933-1945. Frankfurt/Main, 1954–1956.

неправомерны и в случаях осознанного перехода на сторону неприятеля. Описание механизмов зарождения данного явления выходит за рамки данной работы. Отметим лишь, что часто факты осознанного предательства являлись наследием гражданской войны, представленным адептами как радикальных, так и демократически ориентированных доктрин. Немецкая оккупация послужила лишь катализатором коллаборационизма на оккупированных территориях.

Для трактовки осознанного предательства предлагаем оценить данное явление не напрямую, а приводя, увы, множественные факты злодеяний совершённых на оккупированных территориях карателями всех мастей и оттенков, а со слов их хозяев – немцев.

Так, из 38 дивизий СС только 15 можно было назвать элитными воинскими соединениями. Остальные же в своём большинстве были сотканы из иностранных отрядов карателей, полицейав и прочих пособников всех разновидностей. Сравнить боеспособность карателей с «немецкими» дивизиями СС нет ни малейших оснований. Если одни составляли гитлеровскую военную элиту, то другие вошли в историю лишь своим изуверским отношением к населению оккупированных территорий. В понимании современных немцев, бесчинства этих пособников сильно подмочили репутацию и без того не отличавшегося гуманизмом вермахта. Это прекрасно сознавало и германское руководство. Примером тому служит сюжет о бригаде Каминского, активно участвовавшей в подавлении Варшавского восстания. Показательно, что даже командование СС в 1944 г. было обескуражено разнузданностью и зверствами, учинёнными карателями бригады. В результате она была расформирована, а бригадефюрер Каминский ликвидирован.

Однако даже в начале войны, когда до осознания всего ужаса, происходившего в оккупации, было далеко, немцы предприняли своеобразные меры для разграничения настоящих элитных дивизий СС и частей, собранных из всякого рода перебежчиков, полицейав и т.д.

Настоящие немецкие дивизии СС обозначались как «2.SS-Panzer-Division Leibstandarte-SS Adolf Hitler» или «9.SS-Panzer-Division «Hohenstaufen», а иностранные дивизии, скомандованные из отрядов карателей, имели обозначения «14.Waffen-Grenadier-Division der SS «Galizien» или «15. Waffen-Grenadier-Division der SS (lettische Nr. 1)». Ключом к пониманию различий служит наличие местоимения «der». Так, если элитные дивизии позиционировались как сами СС, то коллаборационисты обозначались как находящиеся на службе «при СС». Проще говоря, этих людей, несмотря на лояльность к гитлеровской доктрине, немцы за «своих» не считали.

Наиболее красочно отношение немцев к перебежчикам и пособникам иллюстрирует сюжет, описанный Ю. Мухиным. «Вот, скажем, адъютант фельдмаршала Паулюса полковник Адам, попав вместе с Паулюсом в плен и удивившийся, что их пригласили пообедать за одним столом с советским генералом, написал: «Я подумал о нескольких генералах Красной Армии, которые проходили через штаб нашей армии как военнопленные. Ими интересовался только начальник разведотдела, ответственный за сведения о противнике. Мы, офицеры штаба, считали ниже своего достоинства сказать им хотя бы слово. Перед отправкой в тыл им давали порцию пищи из походной кухни»⁵⁴.

Думается, суждение о предателях, оставленное немецким полковником, созвучно большинству честных, преданных своей родине людей. Разграничения, введенные в названиях войск СС, также представляются обоснованными в ситуации маршей бывших легионеров...

Советская экономическая и политическая система выдержала удар невиданной силы в роковые 1941–1945 годы. Взаимодействие

⁵⁴ Мухин Ю. Жертвы Блицкрига. Как избежать трагедии 1941 года? М., 2014. С. 232.

фронта и тыла после мучительных месяцев сопротивления «Дрангах Остен» («Drang nach Osten») – натиску на Восток по истечении чуть более года войны было организовано с явным преимуществом перед противником. Межнациональные отношения выдержали испытание на прочность. Противоречия политической системы были скорректированы в направлении диалога власти с обществом. Приведенные заключения не сентенции, не реминисценции из традиционно-советских штампов. Унификация трактовок истории, присущая советскому периоду, понять можно. Тогда сказывалось влияние «железного занавеса», укрывавшего от познавательных кризисов (кризисов исторической науки) и тормозившего проникновение методологических обретений науки на западе.

В советскую историческую литературу незримо и зримо вторгся идеологический фактор. Он деформировал оптику исследований, диктовал оценки событий, явлений, процессов военного времени. Марксистская парадигма оценки социокультурных явлений, нацеленность исключительно на познание «объективной реальности» затрудняли поиск смыслов поступков людей-маршалов, воинов, рядовых, «гражданских»... На протяжении послевоенных десятилетий отдельные фрагменты Великой Отечественной войны вытеснялись в неофициальные глубины общественного и индивидуального сознания. На их месте конструировались «новые» представления о минувшей трагедии.

Содержание и структуры памяти хрупки, особенно когда память становится ареной маневров писаний об истории войны с геополитическим подтекстом.

Память о Великой Отечественной войне является одним из центральных сюжетов отечественной и мировой истории, формирует важнейшие образы прошлого и служит стержнем, кодом национального сознания. Толкование уроков истории составляет не просто направление поисков подлинности событий, их осмысления. Вечным будет поиск кода, расшифровки тайн подвига и выживания,

поскольку установление абсолютной истины невозможно уже потому, что каждое поколение определяется формулой поиска своей правды. Когда уйдут в небытие наши бабушки с их воспоминаниями о прадедушках, померкнет свет их личных и передаваемых им воспоминаний. Тем нужнее будет оснащенность и ответственность исторической науки в ее работе на «военном направлении».

Деформации памяти усугубляются активными попытками реабилитировать идеологию и практику фашизма, приписать ему цивилизаторскую роль. Подобные мифологемы – искажение исторической реальности и переписывание истории по конъюнктурным, сиюминутным соображениям являются целенаправленной деконструкцией образов Второй мировой войны. В последние годы за рубежом и даже в России получил распространение тезис о том, что минувшая война была по своей сути противостоянием двух тоталитарных режимов, двух диктатур за мировое господство. При такой постановке вопроса вина за развязывание самой кровавой войны в истории возлагается и на Германию, и на СССР. Встречаются попытки вписать гитлеровский режим в координаты морали.

Обратим внимание на то, из контекста продуктивной работы по изучению подлинности событий и процессов, происходивших в годы Великой Отечественной войны, нельзя исключать зарубежные издания. Например, методическую «оснастку» западных историков отражает тематическая группировка статей книги «Народная война: ответ на вторую мировую войну в Советском Союзе» (Ред. Р.В. Турсон и В. Бувет, 2000). Рубрики серии включают тему образа жизни людей в годы войны; интеллигенции и войны; позиции и поведения солдат. Авторы в числе сюжетов задаются целью исследовать природу советского общества в течение, до и после войны, механизмы и способы взаимодействия государства и общества. Констатируется, что народный патриотизм проявлялся главным

образом в спонтанной просоветской, хотя не обязательно лояльной режиму («прорежимной») автивности⁵⁵.

Отдельным сектором мыслей и фиксации переживаний войны можно считать русскую эмиграцию. Примечательна эволюция, а точнее, кардинальная перемена ее самосознания как отражение победы духа и организации сообщества бывших соотечественников, советских людей. По наблюдениям Н.П. Остелецкого – участника борьбы в составе британского военно-воздушного флота, победа под Сталинградом явилась началом симбиоза русско-советского патриотизма в русской эмигрантской среде. Особенно возросло уважение к Красной армии, принявшей на себя основной удар. Целый ряд представителей эмиграции из числа заметных фигур истории по мере побед Красной армии пересматривали свое отношение к советской России. Адмирал А.Е.Кедров (деятель «Русского общевойскаского союза») в феврале 1945 года на официальной встрече сделал исповедальное признание. После нападения Германии на Советский Союз «кровавыми слезами мы плакали, когда слышали о первых поражениях, но в глубине души мы продолжали верить, что Советский Союз победит, так как для нас он представлял русский народ»⁵⁶.

Как видим, направлений осмысления и изучения истории Великой Отечественной войны целый веер, и в ближайшее время трудно ожидать точек в оценках. Хотя минуло 75 лет со дня Победы...

⁵⁵ Slavic Review. 2001. № 4. P. 863.864.

⁵⁶ См.: Костиков В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М., 1990. С. 298, 299.

§ 4. Враги или друзья? К вопросу о коллективной исторической памяти

Нет ничего хуже так называемых уроков истории, Если их плохо понимают и делают неправильные выводы.

Поль Валери

Ряд особенностей феномена коллективной исторической памяти рассматривает Я.М. Поливанов, посвятивший свою статью и часть книги собирательному образу Германии и немцев у современников и россиян рубежа XIX-XX веков⁵⁷. В контексте этих особенностей с точки зрения науки значимую проблему представляет конфликт коллективной памяти с индивидуальным историческим знанием. Так, в коллективном сознании наших соотечественников достаточно твёрдо закреплена мысль, что Германия всегда являлась для исторической России традиционным противником. Тот тезис зачастую преподносится как единственно верный так как «это известно каждому».

Индивидуальное же историческое знание представляет более сложную картину, колеровка и мозаичность которой не позволяет её соотнести к банальному – «это знают все»⁵⁸.

⁵⁷ Поливанов Я.М. Собирательный образ Германии глазами современников и граждан России XIX-XX вв. в контексте изучения коллективной исторической памяти // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории) материалы Всерос. научной конференции. (Чебоксары, 12 ноября 2019 г.). – Чебоксары: иД: «Среда», 2019; Поливанов Я.М. Генезис мировых войн XX века. Размышления историка / Я.М. Поливанов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2018.

⁵⁸ Поливанов Я.М. Генезис мировых войн XX века. Размышления историка / Я.М. Поливанов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2018. С.8

Например, для человека, осведомлённого в истории Первой Мировой войны, не является тайной, что никакого нападения немцев на Россию летом 1914 г., подобно тому, как это произошло в 1941 г., не было. Скорее наоборот, в 1905-1914 гг. германским кайзером Вильгельмом II были предприняты титанические усилия, чтобы избежать войны между Германией и Россией. А вот интриги руководящей верхушки Великобритании, напротив, способствовали скорейшему развязыванию военного конфликта мирового уровня⁵⁹. Конечно, история Второй Мировой войны в контексте образов и в формате коллективной памяти вопросов не вызывает: аксиоматично представление, что Гитлер – агрессор, а идеология Третьего рейха справедливо осуждается как в коллективном историческом сознании, так и в индивидуальном. И это справедливо.

Однако в свете этого обстоятельства зададимся вопросом: кем для нас, современных жителей России, являются сегодня немцы? историческими противниками или традиционными друзьями и естественными геополитическими партнёрами? Каким сегодня представляется собирательный образ Германии и ее жителей в сознании наших соотечественников? Каково в настоящее время эмоционально-рациональное восприятие этого государства, его народа и пересечений их истории с историей России? Попытаемся сформулировать ответы, апеллируя к феномену коллективной исторической памяти.

⁵⁹ Поливанов Я.М. Собирательный образ Германии глазами современников и граждан России XIX-XXвв. в контексте изучения коллективной исторической памяти. // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории) материалы Всерос. научной конференции. (Чебоксары, 12 ноября 2019 г.). – Чебоксары: иД: «Среда», 2019. С.67

Разумеется, наиболее продуктивным приемом было бы прибегнуть к социологическому исследованию, провести своеобразный блицопрос, предложив респондентам ответить на вопросы о познаниях респондентов о родине Гёте и его соотечественников. Подобный опрос был проведён автором среди студентов нескольких факультетов дневного отделения КНиТУ-КХТи. Предлагаю рассмотреть наиболее часто встречаемые ответы респондентов⁶⁰.

В качестве образов и сюжетов положительного характера в бесспорных лидерах оказались германские автомобили (75%) и немецкий футбол (38%), а также склонность немцев к качеству и порядку (37%). Нередко в ответах фигурировали традиционные для Германии напитки и блюда национальной кухни (35%). Заметим, что в некоторых анкетах были упомянуты Фридрих Ницше, Йоганн Гёте и Йоганн Шиллер (14%). В ряду негативных образов и сюжетов доминируют события и образы из истории о войны 1941-1945 гг. (86%). Предыдущие же войны оказались представлены в гораздо меньшей степени, буквально на уровне погрешности. Весьма занятно, что в негативном списке также оказалась и склонность немцев к порядку (54%), трактуемая респондентами как чрезмерная. В целом же опрошенные нередко заключали, что немцы – народ, безусловно, талантливый, и у них есть чему поучиться, но в целом Германия, по мнению большинства опрошиваемых, представляется традиционным историческим противником России, вне зависимости от временного или политического контекста⁶¹.

Углубляя данную тему, предлагаю расширить временные рамки исследования и попытаться ответить на вопрос: всегда ли

⁶⁰ Поливанов Я.М. Собираательный образ, С.68

⁶¹ Поливанов Я.М. Генезис мировых войн XX века, С.214.

настроения подобные приведённым выше были характерны для наших соотечественников? А если точнее, каким был собирательный образ Германии и немцев в восприятии наших граждан живших до череды кровопролитных мировых войн XX века? За очевидной невозможностью прибегнуть к социологическим опросам попробуем приблизиться к истине, используя сугубо исторические методы исследования.

Однако дальнейшее изучение данной темы требует условного разделения объекта исследования на две части. Дело в том, что на момент начала Первой Мировой войны численность этнических немцев в России составляла примерно два с половиной миллиона человек. Многие из них, за исключением колонистов⁶², находились на государственной или военной службе. Учитывая это, считаю необходимым разделить мнения наших граждан относительно государства Германия, с одной стороны, и немцев, проживавших на территории России и являющихся подданными Российской империи – с другой.

Начнём рассмотрение с условного образа «внутреннего немца», т.е. граждан России немецкого происхождения. Наиболее часто встречающиеся клише, формирующие образ отечественного внутреннего немца тех лет, приводит в своей работе А. Волынец.

Ссылаясь на работу С.В.Оболенской, он предлагает рассмотреть такие стереотипы, как расчётливость и скупость, педантизм и основательность, учёность, грубость и бесчувственность, пренебрежение, отсутствие импровизации и приверженность к

⁶² Указ Екатерины Великой приглашал жителей Западной Европы заселять пустовавшие заволжские степи. Манифест 1763 г. предоставлял иностранным поселенцам существенные льготы. С 1764 по 1768 гг. на Волгу, например, прибыло 15 тысяч семей немецких переселенцев. Они образовали 107 колоний, а за последующее столетие в Поволжье возникли 190 колоний. Бусыгин Е. Долгий путь к родине.// Казань.1996. №9-12. –С.10.

внешней стороне дела (солдатская муштра, уставщина)⁶³. Отметим, что в художественной литературе ряд подобных черт – педантизм, суровость воспитания, воплощены в персонаже романа И.А.Гончарова «Обломов» Андрея Штольце⁶⁴.

С другой стороны С.В. Оболенская в своих работах разбирает ряд юмористических сюжетов и заключает, что *«в народной культуре немец остаётся, главным образом, фигурой комической»*⁶⁵. Заметим, что многие русские писатели XIX в. тоже не обходили вниманием комический образ немца: *«Немец-перец-колбаса, купил лошадь без хвоста»*⁶⁶ и т.п. .

Отдельным пунктом рассмотрения обозначим военные способности германских солдат в представлении русского общества позапрошлого века. Неудивительно, что ратное мастерство у русских и немецких воинов часто выступало объектом сравнения. Представляется характерным, что подобные сравнения также преподносились с юмором. Конечно же, в памяти сразу всплывают

⁶³ *Волынец А.* Правительствующие немцы / А.Волынец // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://rusplt.ru/ww1/history/pravitelstvuyuschie-nemtsyi-12438.html> /

⁶⁴ «Мечте, загадочному, таинственному не было места в его душе. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было в глазах его оптический обман...». *И.А.Гончаров.* Обломов. Роман в четырех частях. – М.: «Художественная литература», 1985. С.123.

⁶⁵ *Оболенская С.В.* Германия и немцы глазами русских в XIX веке. / С.В. Оболенская // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://wplanet.ru/index.php?show=text&id=7417>

⁶⁶ *Куприн А.И.* Проза войны. / А.И.Куприн // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://militera.lib.ru/prose/russian/kuprin1/03.html>

строки из классики: Die erste Kolonne marschert, die zweite Kolonne marschert...⁶⁷

Да, в романе Л.Н.Толстого также используется комический образ прусского вояки, не отягощённого ни воображением, ни способностями к импровизации, но трепещущего от муштры, орднунга и т.д. Следует уточнить, что реальным прототипом литературного персонажа послужил прусский генерал Карл Людвиг Август Фридрих фон Фуль (в романе Пфуль), который, перейдя на русскую службу, отметился составлением не самого удачного плана войны с Францией. Хотя по поводу пригодности этого плана существует и противоположная точка зрения⁶⁸.

Но для нашего исследования имеет значение не то, был ли удачным план оборонительной войны в редакции генерала фон Фуля или нет, и не то, насколько незадачливым изобразил Толстой в великом романе свой персонаж. Интересует нас, прежде всего, то, что и вымышленный, и реальный прусский генерал воевал на стороне России. То есть он был соратником. Думается, что именно это являлось ключевым в восприятии образа Германии и немцев нашими соотечественниками, жившими в XIX в⁶⁹.

Говоря о культурном взаимодействии немецкого и российского народов, необходимым упомянуть факт дружеских отношениях создателя русского литературного языка, поэта-мыслителя А. Пушкина и «величайшего немца» (Ф.Энгельс) Гёте.

⁶⁷ Цитата из романа «Война и мир» Л.Н.Толстого, которая дословно в переводе с немецкого языка означает: «Первая колонна марширует, вторая колонна марширует...»

⁶⁸ Поливанов Я.М. Генезис мировых войн XX века. Размышления историка / Я.М. Поливанов. – Казань: Центр инновационных технологий, 2018. С.218

⁶⁹ Там же. С.219

Заметим, что Александр Сергеевич также использовал в своих произведениях обобщённый образ немца или же немецкого духа, но подчёркивал в них не сатирические черты, а нечто более значимое. В поэтической характеристике своего героя Ленского, он писал:

Поклонник Канта и поэт. Он из Германии туманной Привез учености плоды: Вольнолюбивые мечты...

Германия отвечала нашему поэту взаимностью. Так 27 ноября 1949 г. в Ваймаре был установлен памятник А.С. Пушкину.

Это во многом связано с великой герцогиней Ваймарской и Саксонской Марией Павловной Романовой. Благодаря дружеским отношениям с иоганном Вольфгангом фон Гёте ей удалось познакомить немецкого поэта с русской культурой, искусством, историей. Дело в том, что в Ваймаре при Марии Павловне процветал Русский двор, который со временем обрёл славу чуть ли не сакрального места для русских интеллектуалов и литераторов того времени. Гёте, часто посещавший герцогиню, невольно и неизбежно был вовлечён в русскую литературную среду. Впрочем, интерес к иным культурам был присущ и убеждениям самого Гете. Создатель новой страницы немецкой национальной литературы, Гете считал: чтобы воздействовать на мир, надо принять в себя весь мир «Вот почему я охотно вникаю в жизнь и культуру иноземных народов».

Добавлю, что при дворе Марии Павловны, помимо Гёте, нередко жили и творили такие знаковые фигуры немецкой культуры, как Шиллер, Лист, Вагнер, Гердер, Виланд и др.⁷⁰.

Существует легенда, что Гёте в знак признания духовной связи передал Пушкину в подарок гусиное перо. Примечательно, что

⁷⁰ Мария Павловна Романова как пример исторической миссии. Русское поле. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ruskoeполе.de/ru/news/1511-weimar-stol-romanovy.html>

в немецком городе Гера также воздвигнут символический памятник русскому поэту, держащему в руках это перо⁷¹.

В продолжение темы обратимся к воспоминаниям офицеров русской армии, участникам войн против Наполеона и посетившим в рамках этих военных кампаний немецкие земли. Так, Андрей Раевский весьма красноречиво отзывался о Пруссии: *«Приветствую тебя, страна, освященная великими событиями прошлого столетия, колыбель и обелиск незыблемый несокрушимой славы Фридриха Единственного! Приветствую тебя, обитель свободы, счастья и промышленности!»*⁷². Да, конечно, восторженные возгласы, нередко свойственные юности, в данном случае достаточно ёмко характеризуют восприятие германской культуры русским дворянством. Следует отметить, что во время дальнейшего пребывания А.Раевского в германских землях немцы платили ему той же монетой, и он писал: *«Никогда еще не было столь лестно и приятно носить мундир русский»*⁷³.

В схожем с А.Раевским, но излишне эмоциональном ключе, ликует по поводу въезда в неметчину Ф.Н.Глинка: *«Какая благословенная сторона! Земля обетованная!»*⁷⁴.

⁷¹ Поливанов Я.М. Указ. соч. С.221

⁷² Раевский А.Ф. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. /А.Ф. Раевский // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://loveread.ec/view_global.php?id=54698

⁷³ Раевский А.Ф. Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов. /А.Ф. Раевский // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://loveread.ec/view_global.php?id=54698

⁷⁴ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием отечественной и заграничной

Иван Лажечников, русский писатель, также участник войны с Наполеоном был более сдержан: *«Удовольствие привязало нам крылья, и мы прилетели в Познань. Я успел на него только взглянуть и могу сказать: прекрасный, цветущий город!»*⁷⁵. Однако при сравнении польского уклада жизни с прусским все три офицера явно отдают предпочтение последнему.

Но в нашем исследовании важнее отметить, что общий настрой молодых людей первой четверти XIX в. не давал никаких оснований утверждать, что через сотню лет начнут происходить события, по результатам которых появятся заявления о «непримиримом историческом противнике» и т.п.

Вновь обращаясь к феномену коллективной исторической памяти, следует с уверенностью заключить, что для наших соотечественников рубежа XX – XXI вв. немцы представляли собой образ в первую очередь положительный, и ни в коей мере не отягощённый какими бы то ни было антагонистическими идеологическими коннотациями. Этот тезис справедлив и в отношении коллективного восприятия России и русских в Кайзеровском рейхе, и в отношении обобщённого представления немцев и Германии в России. Налицо чувственно-рациональное восприятие друг друга, которое хотя и носило зачастую сатирический подтекст, в целом было положительным. Конечно, в данном случае имеется в виду исключительно коллективное восприятие, так как на индивидуальном уровне всегда можно было найти примеры отношения недружественного или враждебного характера.

войны с 1812 по 1814 год / Ф.Н.Глинка // [Электронный ресурс] / Режим доступа: [URL: http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_0060.shtml](http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_0060.shtml)

⁷⁵ Лажечников И. Походные записки русского офицера. / и.Лажечников // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=54697&p=13

К сожалению уже к середине XXв., в результате отгремевших мировых войн, коллективная память, была подвергнута тотальной пертурбации и коренному пересмотру ценностных ориентиров⁷⁶.

По итогам Великой Отечественной войны, когда советский народ отстоял свое право на существование, коллективная память претерпела кардинальные изменения. Это стало следствием бесчеловечных действий немцев на оккупированных территориях и преступной идеологии гитлеровцев. Массовый геноцид населения, лагеря смерти – вот основные составляющие образа Третьего рейха. Думается, что в дальнейшем коллективное восприятие обобщенного образа немца и Германии в модели, сгенерированной массовым сознанием в годы Великой Отечественной войны, автоматически проецировалось и на войну 1914-1918 гг. Негативный контекст стал транслироваться и на империю кайзера, не имевшую к преступлениям нацистов ни малейшего отношения.

Закljučая сюжет, зададимся вопросом: какой образ Германии и немцев ближе к подлинности? Образ непримиримого врага или образ потенциального союзника? Как показывает история, воевать с Германией и ее народом России приходилось неоднократно. Однако войны были преимущественно навязаны третьей, внешней силой. Апogеем мракобесия стала политика Гитлера. С другой стороны, печальные события минувшей войны по большому счету покажутся преходящими, если учесть урок: только в момент дружественного сотрудничества нашим государствам удавалось выводить свои народы и государства на качественно более высокий уровень.

⁷⁶ *Поливанов Я.М.* Собираательный образ Германии глазами современников и граждан России XIX-XXвв. в контексте изучения коллективной исторической памяти. // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории) материалы Всерос. научной конференции. (Чебоксары, 12 ноября 2019г.). – Чебоксары: иД: «Среда», 2019. С.71

Крупным поворотным пунктом в динамике исторической памяти о войнах минувшего века явился рубеж 1980-1990-х гг. Распад СССР привел к переоценкам всех военных событий, особенно реалий Второй мировой войны. Современная Россия в новых геополитических реалиях стала объектом мощного давления Запада, разнообразных претензий со стороны соседей. В ходе ревизии истории налицо вопиющие перекосы в оценках⁷⁷. Это обстоятельство вместе с сознательной политикой в сфере образования, пропагандистской позицией медийных средств неизбежно деформирует коллективную память о войне и роли советского народа в Победе и требует контрнаступательных мер.

Г л а в а II XX век: человечество на весах Истории

§1. Двадцатый век - «век-волкодав»

Все наши грехи не замолить: Слишком их много, и слишком они чудовищны, но Господь милостив И поможет хоть сколько-нибудь Очистить и облегчить наши заплеванные, униженные И оскорбленные души.

Виктор Астафьев, писатель-фронтовик

Феномен календаря времен не постижим умом, загадываешь одно, в остатке часто бывает иное. XX век прорицали как золотой век человечества. «Грядущее столетие – без войн!» был лозунгом современников времени перетока веков. «Человечество уже достаточно повзросло, чтобы навсегда покончить с войнами!» – утверждала газета «Таймс» в 1901 году. «Рождается век фантастики»

⁷⁷ Сеньявский А.С., Сеньявская Е.С. историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния.// Отечественная история. 2007. №3. - С.108.

пророчествовал журнал «Санкт-Петербург» в 1898 году на другом конце Света. Наиболее точный диагноз наступающего времени разлома истории дал немецкий философ Освальд Шпенглер, в своей до сих пор сохраняющей актуальность книге «Закат Европы». Наступившая реальность была не только ужасной, но трагичной. XX век вошел в историю под маркером «Век-волкодав».

История человечества полна войнами, но только две из них были мировыми. Охватив все континенты кроме Антарктиды, они вовлекли в сокрушающий основы человечества водоворот все части ойкумены, государства, народа, религии, культуры, цивилизации. Опустошив, изменив и отбросив мир назад. Это означало смену парадигмы развития человечества. Мировые войны развели, раскололи части Света не только по географическим, но и цивилизационным координатам. Увеличили дозу, насыщенность злости в психологии народов, милитаризировали сознание. Войны ухудшили социогенетический код человечества. В результате перерыв между мировыми войнами был не временем господства мира (как и период по их завершению), но временем исправления ошибок проигравшими, самоутверждения и возвышения своей роли, повышения ставок в игре союзниками по антигитлеровской коалиции. Они претендовали на статус «главного победителя». Человечество не умиротворялось, оно стало свидетелем новых гегемонистских авантур. «Черт» войны, вмонтированный в матрицу сознания человека, перманентно выскакивал из, казалось бы, плотно захлопнутой «табакерки». Бернард Шоу выразил это явление так: «Мир не только легче, но бесконечно труднее войны». Каждая война, особенно продолжительная и кровавая, какими были мировые войны, глубоко оседал, проникали в ткань сознания, в материю памяти. Эта грязь трудно выводится. Шлак становился горючим материалом для детонирования очередных военных схваток. Не случайно все масштабные войны провоцировали «вирусы» инфекционных болезней и пандемий. «Коронавирус-2020» есть результат нарушения

закона равновесия между злостью и добром как форматами жизненной позиции. Между войной и миром. Планета Земля, шар «любви», продавленный плитой человекозлостью, вошла в XXI век в состоянии удушья, иммунно ослабшей.

В войнах обычно «сжигается» наиболее жизнеродная, талантливая «кровь» наций. «Век-волкодав» в этом смысле самый «плодоносный»: почти 100 млн. погибших, 120 млн. инвалидов⁷⁸. В топке мировых войн сгорели не только мечты, идеалы и духовные ценности, накопленные тысячелетиями, но и «чертежи – дорожные карты» жизнеборения человеческого Рода на века вперед. Произошли огромные изменения в устроении, ментальной карте и исторической типологии сообщества людей. Из огня этих войн человечество всегда выходило другим.

В таком смещении оси вселенской истории особенно роковую роль сыграла Вторая мировая война. Изменив облик, суть и дух человеческого сообщества, разделив его не только океанами, континентами, но и барьерами новых ценностных координат, идеологических амбиций. Война, обретшая планетарный масштаб, должна была объединить народы, превратив их в «побратимов», но та «червоточина» внутривидовой борьбы, однажды вселившаяся в человеческое нутро, вновь разделила их на блоки- лагерь. Разделение произошло, ибо не было и полного слияния. Западные союзники, согласившиеся на антигитлеровскую коалицию, держали у себя на уме свои планы – великодержавные амбиции и по мере возможности претворяли их в жизнь.

Главный приз в этой войне получила Америка? Если да, то почему? Это тема особого исследования. «Получив громадное – эпохальное! – преимущество в 1945 году, даже по отношению к

⁷⁸ См. подробнее: *Торопцев А.П.* Мировая история войн. Энциклопедия. М., 2007; *Смирнов В.П.* Две войны – одна победа. М., 2015.

странам – союзникам, разоренным шестилетней войной, – отмечает А. Торопцев, – Америка получила самый большой дивиденд»⁷⁹, приступила к осуществлению своей миссианской идеи – стать владычицей мира.

Америка стала той, которой она является сегодня именно на основе собранных плодов, сорванных с Древа Победы над фашизмом. «С момента окончания Второй мировой войны именно Америка фактически стала управлять неким глобальным правительством, выполняя многие его важнейшие функции и «командуя всемирным парадом» как если бы наша планета была какой-то единой страной»⁸⁰. Такая оценка, конечно, небесспорна. Но фактом является то, что именно она «командует парадом» фальсификаторов итогов Второй мировой войны. В США, даже нынче, мало кто представляет гигантские масштабы военных действий на советско-германском фронте Второй мировой войны и сознает, что именно СССР сломал хребет германскому фашизму. Для американцев, как и для западного мира в целом, война, однажды названная ими «неизвестной», такой и осталась. Так легче успокоить совесть. Так легче править бал.

Но плачевно, более того – беда в том, что Великая Священная и для многих наших современных соотечественников остается «неизвестной войной». В этом повинны и мы – «дети войны». Ибо дети войны как единственная нить, связывавшая эпоху фронтовиков и солдат войны с нынешней цифровой эрой и своими наследниками, «сходят» с арены истории, не успев выполнить наказ фронтовых отцов. Историческая наука также может упустить шанс осуществить задачу «просветления мозгов», обеспечения «связки» времен,

⁷⁹ Торопцев А.П. Указ. соч. С.884.

⁸⁰ Сигов Ю.И. Почему Америка всем надоела // Независимая газета. 2020. 27 февр.

преимущества поколений. Когда господствует и задает тон техноклад со своим «детисцем» – искусственным интеллектом – роботом, а духотворящий ген придавливается плитой технопрогресса, человечеству реально грозит амнезия исторической памяти.

Так каким же будет XXI век? Века афинских грез, эллинизма, Возрождения и Просвещения – позади. А что впереди? «Эра бессмысленной резни, войн и угнетения? Окопов

Первой мировой, ядерных грибов над Хиросимой и Нагасаки, маниакальных проектов Гитлера и Сталина? или же это эра мира, и в Южной Америке никогда не будут рыть окопы, над Москвой и Нью-Йорком не ядерные грибы, а в памяти останутся ясные лики Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга?»⁸¹.

Ответ определяется способностью человечества влиять на выбор между войной и миром. А пока «мы стоим на пороге и ада, и «рая, тревожно перемещаемая от одних врат к другим. История все еще не определилась с итогом, и ряд случайных совпадений все еще может подтолкнуть нас в том или ином направлении»⁸².

§2. Война цивилизационных проектов

История человечества – это история зла на земле.

Вильгельм Швобель

История – это пространство противоборства разнополярных начал, воззрений, интересов, устремлений. Война в этом плане выступает способом осуществления определенного замысла, плана, программы. То есть война – это осознанная проективная деятельность субъектов истории. Отсюда и корни перманентности войн. За 5-6 тыс.

⁸¹ Юваль Ной Харари. Sapiens. Краткая история человечества. М., 2018. С. 453.

⁸² Юваль Ной Харари. Sapiens. Там же.

лет истории цивилизации на планете произошло примерно 15 тыс. войн, унесших более 3,6 млрд. человеческих жизней – это больше, чем численность всего населения мира в 1970-е гг. По подсчетам П. Сорокина, за 24 века истории человечества на 4 мирных года приходился 1 год войны. Профессор, генерал В.В.Серебряников дополняет, уточняет степень военизированности мировой истории: за всю историю существования человечество на Земле, сменяя друг друга, жило примерно 800 поколений. «Стаж» войны насчитывает свыше четырех тысяч лет, а передышка между войнами составила не более 300 лет⁸³.

Пафос проективности преследует человечество с момента его перехода от пещерного варварства к современной цивилизованности. «Проективность – центральное понятие Библии, представленное в образах творения, замысла Божьего, божественного строительства. Проективность есть сущностная экзистенциальная характеристика личности и общества, модус их бытия»⁸⁴. Коран – также оформился как проектный духовный источник.

Но с двадцатого столетия проекты обрели форму метаидей с их претензий на глобальное господство. Если Первая мировая война была первой «пробой», экспериментом, генеральной репетицией на этом пути, то Вторая мировая война, органической частью которой является Великая Отечественная война, стала ареной «сшибки» разных общественных систем, идеологий, мировоззренческих и ценностных установок. Возникшая в рамках дихотомии «Запад-Восток», по большому счету она была войной крупных социальных проектов. Проектов советского, национал-фашистского и либерально-

⁸³ Подробнее см.: *Тагиров Э.Р.* Планетарная цивилизация в зеркале глобалистики. Казань: Таткнигоиздат, 2014. С. 95–96.

⁸⁴ *Курочко М.М.* Великая Отечественная война в контексте проективной истории // *Власть*, 2010. № 7. С. 61.

капиталистического. Фашистский проект был нацистским, он абсолютизировал нацию по крови, а его символом является принцип крови. Прошел проверку и укреп либерально-капиталистический проект, превращенный США в условиях глобализации в проект мирового гегемонизма. Победил коммунистический, созидательный, миротворческий проект, подготовкой которого страна занималась четверть века. Победа сорок пятого года – не случайный, а закономерный итог советской проективной культурно-цивилизационной деятельности.

Германско-фашистский проект завоевания СССР имел многоцелевой характер. В своей основе широкому кругу российских читателей он известен. Литература акцентирует внимание на хищнически- грабительской стороне интервенции. Не отвергая это концептуальное положение, подчеркнем, что проект был обрамлен идейной паутиной освобождения восточной части ойкумены от господства «недочеловеков», «варварских» славянских и иных неарийских племен и народов. Его цель заключалась в завоевании пространства, географически необозримых просторов Советского Союза. Той части Востока, где имелись стратегически жизненно важные ресурсы, природные богатства и источники воображаемого превращения Германии в повелителя мира. Россия интересовала завоевателей как житница хлеба и кладовая черного золота – нефти.

Продовольственная проблема являлась ключевой. На протяжении веков для немцев она грезилась фата – морганой и была головной болью. Милитаризация страны, создание самой крупной армии в мире и превращение Германии во властелина Планеты напрямую увязывалась с решением хлебного вопроса за счет Востока. «Германия должна была «стать непобедимой», если бы забрала территории СССР, – отмечает маститый ученый-историк, директор Центра исследования Византии в Оксфордском университете Питер Франкопан, – хранящие «неизмеримые богатства». Исчезла бы зависимость от доброй воли СССР и его непредсказуемого

руководства, результаты британской блокады Средиземного и Северного морей в основном сошли бы на нет. Это был шанс обеспечить Германию всем необходимым». Далее он, продолжая хлебный сюжет войны как ключевой, пишет: «именно с этими речами выступал Гитлер, когда летом 1941 г. началась атака.

Пока германские солдаты с впечатляющей скоростью продвигались на Восток, фюрер с трудом удерживал волнение. Германия никогда не оставит эти вновь завоеванные земли, ликовал он, они станут «нашей Индией», нашим новым райским садом»⁸⁵.

В ближайшем круге фюрера начали «расшифровывать» идеологическую начинку начавшейся войны. Цель – не уничтожение большевизма, главное в другом. «На кону стояло сырье и, прежде всего, продовольствие» – откровенничал генерал Альфред Йодль. Геббельс, рейхминистр пропаганды, вещал в эффектно-имперском стиле, почти предписывая: «Война ведется за зерно и хлеб, за обильный завтрак, обед и ужин... Это, и ничто другое – цель Германии в войне – захватить на Востоке широкие колоссящиеся поля золотой пшеницы, более чем достаточные для пропитания нашего народа и всей Европа».

Отметим, что за этими откровениями стояла жестокая реальность. Германия была в провале с продовольствием, а советские поставки не в силах были восполнить хроническую недостачу. Британская военная блокада довела ситуацию до критической отметки. Тот же Геббельс летом 1941 года писал в дневнике: «Полки берлинских магазинов пусты, найти в продаже овощи – редкая удача...»⁸⁶.

⁸⁵ Питер Франкопан. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. М.: изд-во Эксмо, 2019. С. 494–495.

⁸⁶ Питер Франкопан. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. М.: изд-во Эксмо, 2019. С. 494–495.

Для усиления мысли о том, что главная цель войны против СССР – это обеспечение хлебной безопасности Германии, приведем еще несколько соображений из бестселлера Питера Франкопана⁸⁷. Он утверждает, что уже в план «Барбаросса» заложена задача: по мере продвижения на Восток германские армии должны были обеспечить себя продовольствием на месте. Понятно, путем «зачистки» завоеванных пространств от «неарийцев» как обузы и лишних ртов, за счет сбора спелого урожая и опустошения заготовленного русскими стратегического хлебного запаса.

«Один из самых шокирующих документов в истории гласит: Х миллионов человек будет, несомненно, голодать, если мы вывезем все, что нам необходимо». Этими жизнями Германия покупала возможность прокормить себя. Эти миллионы были сопутствующим ущербом, необходимой жертвой во имя успеха и выживания Германии»⁸⁸.

В свете исторических документов и данных мы понимаем, что зверства оккупантов, массовые казни и расстрелы пленных красноармейцев, измор голодом детей Ленинграда, защитники которого обрекались на медленную голодную смерть – не строки из учебника. 2 млн. жертвенников фашистского эксперимента на предмет измерения степени прочности человеческого организма, изводимого голодом, лежат на Пискаревском кладбище. Такая установка не была просто элементом плана «Барбаросса», а его стратегически-«сердцевинной» частью. Фашистская Германия знала цену хлеба. Хлебный этический кодекс, содержащийся в Коране и Библии, в чудовищно извращенном варианте был ею использован для

⁸⁷ Питер Франкопан автор еще нескольких уникальных исследований: «Алексиада» (2009), «Первый крестовый поход» (2012).

⁸⁸ *Питер Франкопан. Указ. соч. С. 496–497.*

своих целей. Хлеб в нацистском представлении был «сверхоружием» в войне против СССР. Предполагалось, что оставленные в плановом порядке живыми «русские рабы» будут сеять пшеницу, убирать урожай и доставлять хлеб к немецко-хозяйскому столу. Прочность народа страны социализма испытывалась оружием измора. На решение этой задачи был ориентирован специальный научно-исследовательский институт под руководством специалиста по аграрной истории России Герберта Бакке, докторская диссертация которого была посвящена теме «Русские зерновые». «Бакке был поглощен мыслью о России, – пишет Питер Франкопан, – как решении проблем Германии.

Со времен падения Российской империи степи медленно превращались из обиталища полудиких кочевников в превосходную житницу, колосющиеся поля тянулись на сколько хватало взгляда, почвы были необычайно плодородны, особенно черноземные...»⁸⁹.

Акцентируем на этом внимание читателя по ряду причин. Мало кому известно, что хлебная история России так тщательно изучалась германскими стратегами исходя из того, что все данные о сортах и урожайности зерновых, о хлеботорговых площадях и продвинутости советской науки в хлебном деле будет иметь геополитическое и стратегическое значение. Это, во-первых. Во-вторых, нами также слабо усвоен вытекающий из военного противоборства двух проектов-систем «Россия – Германия» урок о стратегической важности хлебного потенциала; о значимости ломтя хлеба для спасения жизни человека и, наконец, о сакральности самого понятия «хлеб». Вспомним мудрость – завет предков: «Да отсохнет рука, бросившая под ноги хотя бы крошку хлеба». Не зря же

⁸⁹ В.И. Ленин, разъясняя суть хлеба в военно-стратегическом контексте, отмечал: «Кажется, что это борьба только за хлеб, а на самом деле это – борьба за социализм».

заведено: «хлеб – можно класть на Коран, но Коран на хлеб – нельзя». Ну и, наконец, в-третьих подвиг, выдержавших фашистское испытание голодом и все четыре года боровшихся за хлеб на колхозных полях, необходимо приравнять к подвигу Солдата – добытчика Победы.

Выше уже отмечалось, что война гитлеровской Германии против Советского Союза в принципе являлась продолжением междоцивилизационного противоборства по линии «Запад-Восток».

Запад, по мнению его идеологов-стратегов, при разделе мира Богом был обделен по многим параметрам: по величине площади земного покрова ойкумены, разнообразию фауны и флоры, богатству природных ресурсов, в том числе ресурсов стратегического характера, среди них черное золото – нефть. Ошибка это Господа, или Его «особая задумка», но нефтяные запасы на карте мира расположены подальше от Запада, ближе к Востоку. Проблема нефте-стратегического ресурса обострялась по мере отрыва Запада и «отставания» Востока по параметрам научно-технологической конкуренции. Данная проблема особенно остро проявлялась в набиравших силу индустриально-капиталистических странах – Германии и Британии.

Именно эти страны первыми подошли открытию тайны разрушительной силы нефти – «греческого огня», и уже в 70-е годы XIX века покрыли сетью нефтяных концессий территорию от Калифорнии до Африки. Геополитический проект «Проснись, Англия!» перевернул представление старого века о горючем из нефти, от которого должно было зависеть будущее военно-морского флота, реальность стратегии покорения морей и земной суши. А перспективы роста Англо-Персидской нефтяной компании (позже

преобразованной в компанию British Petroleum) грозили резкой сменой местоположения фигур на мировой шахматной доске⁹⁰.

Нефтяной аппетит разгорался повсюду. Каждая из претендующих на лидерство капиталистических стран находила свои аргументы в пользу заявки иметь эксклюзивное право на овладение нефтью России. «Нефть – кровь земли, и она же стала кровью войны». С формулой Питера Франкопана приходится соглашаться.

Решение задачи превращения Германии в «хозяина» мира предполагало соединение двух стратегических продуктов – хлеба и нефти. Войнам XX века предстояло быть войнами моторов. Без нефти ни одна из воюющих сторон не могла иметь успеха. Не случайно мечта Германии стать центром мира покоилась на нефтяном запале – на завоевании Кавказа, захвате нефтяных скважин и переводе военной техники на обеспечение российской нефтью. «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, – заявил Гитлер, – придется закончить войну»⁹¹. Чем дальше в глубь России втягивался вермахт, тем проблема нефти становилась острее. На пути к цели нацистов встал Сталинград. Военное поражение на этом поволжском «пяточке» стало началом поражения Германии.

В этом конкретном факте обнаруживались признаки заката похода на Восток не только Германии, но и Запада в целом. Итоги второй мировой и Великой Отечественной войн дали ответ на вопросы, на протяжении веков мучавшие лидеров западных держав:

⁹⁰ См. подробнее: *Питер Франкопан. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий*. М.: изд-во Эксмо, 2019.

⁹¹ *Питер Франкопан. Указ. соч. С. 523.*

кто будет контролировать громадное пространство Евразии⁹², кого будет кормить плодородная земля русская, чьими будут золотые пески Каспийского моря и Великий Волжский путь. Контроль над Средней Азией перешел в руки ее законных владельцев. Солнце мира вновь начало восходить на Востоке и заходить на Западе.

§3. СССР: тяжелый крест миротворчества

Мир – это орган, на котором играет Господь Бог, а дьявол надувает меха.

Г. Гёте

Любая и каждая война, рано или поздно, завершается за столом переговоров. Там и тогда объявляется Час тишины, начинается отсчет мирного бытия. Сколько продлится, и какой величиной, по меркам Хроноса, оно измеряется? Нет и не может быть однозначного ответа на эти онтологического ряда вопросы. Слишком много разноразряженных факторов, совокупность которых предопределяет исторический срок Времени Мира. Человечество уже смирилось с тем, что мир не может быть вечным, как не бывает вечной войны. Каждое из этих явлений состоит имеет разно-ценностное, метафизическое, космологическое измерение. Все мы, как и человечество в целом, клянем войну, по разным причинам, но перманентно прерывая паузу мира, вступаем на порог войны. Знаем также и то, что потом жаждем, исступленно бьемся за мир. Груз того креста и войны, и мира – мы носим вечно. Неотменимый, неумолимый закон диалектики.

Есть войны и есть война. Великая Отечественная война, будучи ответом на вызовы нацистского проекта, направленного не только на уничтожение России как оплота социалистического

⁹² Вспомним Х.Дж. Маккнидера: «Тот, кто доминирует над Хартлэндом («срединная земля») – тот владеет судьбами Евразии, тот, кто владеет судьбами Евразии – тот доминирует над миром».

проекта, но и на формирование «нового мирового порядка» и переформатирование самого генома человека, имела сакральный вселенско-освободительный характер. СССР вынужден был выйти на тропу войны в качестве защитника свободы и жизни не только своего, но и всех народов Земли. Его историческим предназначением стало установление Часа мира на Планете. На всем протяжении четырехлетней изматывающей, кровопролитнейшей для него войны, он нес на себе тяжелый Крест Миротворца. Прилагал для достижения этой мессианской Цели все имеющиеся силы – ресурсы. Важнейшим направлением движения к этой Цели была советская внешнеполитическая, дипломатическая деятельность. К Победе вели не только наши овеянные славой полководцы и Красная Армия, но и незримые, на фоне наступившей Ночи в мировой истории, Солдаты интеллектуального фронта – дипломаты, заложившие жизнь, талант и ум на ускорение прихода Рассвета.

Надо честно и прямо сказать: битва с фашизмом велась не только на земле, в воздухе, суше и воде. Великая Отечественная война была и битвой мыслей, умов, интеллекта и дипломатий. Это было время постижения политики как искусства невозможного, оттачивания мастерства ведения переговоров (включавшего секреты хитрости и повадки «львов и лис», «волков и зайцев», «медведей и бизонов»), рождения первоклассной национальной школы миротворцев. У Запада в запасе имелся опыт не только ведения колониальных войн, осуществления политики «канонерок», но и принуждения к миру. Советская дипломатия, как и армия военная, училась искусству побеждать «на марше». По своей «кондиции» она, пожалуй, равнялась уровню дипломатии эпохи Ришелье. Американские дипломаты «образца 1943» корпус советских дипломатов характеризовывали через эпитеты – «разумные», «софистичные», «энергичные».

К сожалению, их подвиг, равнозначный военному, до сих пор в недостаточной степени описан в литературе. Есть повести, романы

и фундаментальные книги о военачальниках, но в военной историографии нет особого – миротворческого жанра. Пантеон Героев Войны будет не полон без помещения в него имен дипломатов в их широком наборе, начиная от министров иностранных дел до послов и переводчиков. Это они, на своем – незримом фронте ускорили ход движения стрелок Часов Времени, подвигая их к искомой точке – Победе. Возвращение «жрецов» дипломатии, миротворцев-подвижников в Большую историю второй мировой и Великой Отечественной войны задача составляет науку – этическую, нравственную. Как не может быть законченной та война, в которой не захоронен последний солдат, так и не может быть закрыта Книга Памяти, без «оживления» имен – добытчиков Мира.

В рамках данного эссе нет возможности для полновесного анализа подвига миротворцев военной поры. Миротворческому направлению в исторической науке еще только предстоит оформиться. В данном случае делается лишь попытка тезисно-пунктирно обозначить наиболее крупные вехи, точки – «ристалища», «Москва» – «Тегеран» – «Ялта» – «Потсдам». Ставшие крупными мировыми центрами международной жизни военной поры, этапными символами политических раундов высокого уровня. Они стали своего рода «мастер-классами» дипломатии, авторами-исполнителями которых были главы стран-союзников в рамках антигитлеровской коалиции, вошедшие в мировую историю под названием «великая тройка». На этих международных глобально-значимых конференциях – «саммитах» шла «война» умов, схлестывались концепции «не на жизнь, а на смерть».

Советские дипломаты сражались за каждое слово, абзац и знаки препинания в речах, текстах и документах в форматах «саммитов» и международных конференций, ибо они имели великий смысл, часто судьбоносный. Тем, кому предстоит встать на путь поиска правды и полноты миротворческой истории военных лет, предвеляя сюжет, заметим, что их может охватить, во-первых,

«оторопь» от самого факта сокрытости поистине героических – дипломатических страниц истории. Во-вторых, от горячей волны переживания от прикосновения к раскаленному потоку мыслей, чувств, эмоций и настроений военной когорты дипломатов, растекшихся в их письмах, телеграммах, донесениях, отчетах... и, в-третьих, бесконечно удивляет их талант образного мышления и стратегического видения, творения смыслов и афористического оформления сурово-военной лексики. Так наши дипломаты-миротворцы через тернии поднимались по лестнице мудрости, шли к воздвижению Храма Мира, само имя которого вошло в историю и стало символом исторической надежды человечества – ООН.

Предтечи идеи создания ООН как хранителя и защитника Прометеева огня жизни восходят к временам возникновения авраамических религий. Прообраз ООН в качестве всеземного, всепланетарного ареопага, начиная с мифологических сюжетов о «собрании богов» и до идей всемирного правительства, существовал в представлении лучших умов всегда. Мысль о необходимости управления земным бытием вытекала из инстинкта выживания человеческого рода и укреплялась по мере поступательного движения истории в качестве высшей ценности. Она стала неизбывной, увлекательной, вдохновительной мечтой, прочно вошла в подкорковое сознание сообщества людей. из предмета философских дискуссий и отвлеченных разговоров о «высоком» она уверенно входила в актуальную повестку дня, особенно ярко возгораясь на рубежно - поворотных этапах всемирной истории. Потребовалась большая дистанция во времени от дикости до цивилизации, трагические встряски и акты масштабных человеческих жертвоприношений, чтобы остудить пыл агрессивности и погасить пламя войн. Все более настоятельным императивом становилась задача извлечь из истории поучительные уроки, за которые заплачено миллионами бессмысленно загубленных жизней и трагическими «зарубками» исторической памяти, напоминающими человечеству об опасности

взаимоуничтожения, предупреждающими от сползания в пропасть. Первая мировая война стала одним из таких поучительных уроков. Ее «поэзия», сдернув розовые очки с самодовольных европейских лиц, показала кишки жизни, создала не бравурные марши, а посмертную маску эпохе.

Только подойдя к крайнему рубежу, человечество наконец-то решило создать коллективный орган, ответственный за обеспечение своей безопасности. Первой во всемирной истории подобной международной организацией стала Лига Наций, принципы которой были заложены еще Иммануилом Кантом в конце XVIII века в трактате «К вечному миру». Философ впервые описал культурно-философские основы будущего объединения Европы.

Учрежденная в 1919 году Парижской мирной конференцией Лига Наций, международная межправительственная организация, в своем уставе декларировала цели содействия сотрудничеству между народами, обеспечения гарантий мира и коллективной безопасности, разоружения, предотвращения военных действий, регулирования споров между государствами путем переговоров, улучшения качества жизни на планете. К началу января 1940 года в ней состояло 14 государств: но в состав Секретариата Лиги Наций входили сотрудники 50 стран мира, что обеспечивало международную легитимность ее резолюций. К тому же ее решения получали официальную поддержку большинства государств мира. Лига Наций за 27 лет работы успела подготовить политико-правовую и гуманитарную (в охвате – от молодежных идейно-воспитательных и до культурных, образовательных проблем) основу деятельности будущей международной организации.

Роль Лиги Наций и в прошлом, и ныне оценивается по-разному⁹³. Нельзя отрицать, что ей не удалось удержать корабль человечества в режиме штиля, в результате чего разверзлась новая военная катастрофа планетарного масштаба. Но создание Организации стало настоящим прорывом в сознании мира в качестве единой политико-правовой системы, где судьбоносность отдельного взятого государства, нации или народа неразрывно связана с общими принципами и нормами взаимоотношений. Можно сказать так: человечество впервые начало представлять Планету своим общим и единственным цивилизационным Домом. Несомненно и то, что для будущего была сотворена некая «калька», апробирована модель всемирно-коллективного действия. ООН, прямой наследнице Лиги Наций, предстояло открыть новую главу в истории эволюции. В выполнении этой пионерной миссии неизмеримо высока и ценна роль СССР. И, прежде всего, в том, что первая в истории человечества созданная международная структура обрела человеко-гуманитарное обрамление, стала моделью миротворчества для последующих эпох и поколений.

ООН: история и современность. К 65-летию создания Организации Объединенных Наций // Вестник МГУ. Серия 25. 2010. № 3.

Итоги и уроки первой мировой войны свидетельствовал и о том, что больше нельзя было оставаться в плену геополитических

⁹³ См.: *Морозов Г.И.* Лига Наций: взгляд через полвека // Вопросы истории, 1992. № 2-3. С. 162-167; *Уткин А.И.* Мировая холодная война. М.: изд-во «Эксмо», 2005; *Громыко А.А.*

концепций и систем, сложившихся в Вестфальскую эпоху⁹⁴. Набиравшая динамику глобализация требовала единения, сотрудничества, синергии – миротворческих усилий народов. В этом плане Европа должна была задать пример-ориентир движения в направлении создания союза равноправных государств. Ведь за ее плечами были горькие уроки Первой мировой, когда почти все ее «жилыцы» вышли за «берега человечности, когда было испытано средство массового человекоуничтожения – химическое оружие. К совместности действий толкала и растущая угроза укоренения фашизма в недрах сознания ряда европейских народов. Поднимал голову германский нацизм. Гитлер становился знаменем-символом нового явления, последствия которого оказались не способными представить. Либеральная часть Европы все больше склонялась к созданию союза – коалиции по борьбе с реваншизмом. Британский пример. У.Черчилль 22 июня 1941 года, в день начала великой войны сказал слова, которые, будучи обращенными к Москве, заложил основу союзной коалиции: «Отныне у нас одна цель, одна – единственная – уничтожение нацистского режима. Мы никогда не начнем переговоры с Гитлером. Мы окажем любую возможную помощь России и русскому народу»⁹⁵. После Перл-Харбора Америка также встала в строй антигитлеровского союза. Но уже тогда и в течение всей войны она, как и Запад в целом, вела двойную и даже

⁹⁴ Вестфальская геополитическая эпоха (1648–1814 гг.) – это время формирования Европы как единого целого и формирования централизованных государств (монархий) на основе национального суверенитета. Характеризуется перманентными военными баталиями. Для

России она завершается победой над Францией в Отечественной войне 1812 года.

⁹⁵ Уткин А.И. Мировая холодная война. М.: изд-во «Эксмо», 2005. С. 21.

тройную игру. В связи с этим Советскому Союзу приходилось сражаться не только на фронтах войны, но и «воевать» за принципы свободы, равенства и справедливости со своими западными союзниками. Примером этого является факт принятия в августе 1941 года Атлантической Хартии о правилах поведения в мире. Москва резко ответила на такой односторонний акт сакраментально-правомерно: «У союзников должны быть общие цели, в противном случае союз просто не состоится».

Западные союзники как заядлые политические игроки клялись и не скупилась на обещания открыть Второй фронт (он будет открыт лишь в 1944 году, то есть тогда, когда стало ясно, что можно упустить финальный момент). Их позиция предопределила то, что долго и мучительно шел процесс создания Союза Наций.

Вплоть до завершения войны Запад придерживался установки на то, чтобы сузить функции ООН, превратить её в инструмент сугубо полицейских акций. Концепция «четырех мировых полицейских» кочевала от одной международной миротворческой конференции к другой. Наблюдались попытки создать ООН в качестве клона безвольной Лиги Наций. В то время, когда СССР, теряя цвет своей нации, мобилизовал последние ресурсы, чтобы ускорить час освобождения Европы от коричневой чумы, союзники копили свои силы для реализации проектов раздела и установление мира «по-американски».

Итоги Курской битвы внесли серьезные коррективы в планы мирового переустройства. В умах союзников произошло «своеобразное тектоническое смещение» (А.Уткин). Обозначившаяся перспектива наступления советских войск в направлении Берлина породила в кругах союзников идею организации встречи «большой тройки». Место его проведения также имело политическое значение. Рузвельт, предлагая свои варианты (Каир, Багдад, Басра), обосновывал предложение относительной близостью к Вашингтону. Западные союзники и руководители Советского Союза понимали

значимость Ирана. И как исторической наследницы Персии (Персия в представлении многих поколений оставалась воплощением величия силы, духа и культуры Востока), и как стратегически важного политическом и военного форпоста между Востоком и Западом. Вот почему переговоры по этому вопросу были трудными. Победило в итоге советское (сталинское) предложение – проведения встречи в Тегеране.

Тегеранская конференция занимает особое место в истории. Здесь решались не только насущные вопросы текущего порядка, но впервые сквозь завесу военного времени был совершён проницательный взгляд в будущее мира. На вопрос У.Черчилля: «Что может случиться с миром после войны?», и. Сталин лаконично ответил: «Следует обсудить худшее, что могло бы случиться...». Он имел в виду опасность возрождения нацизма. Чтобы пресечь это, «нужно создать сильную международную организацию», подчеркнул глава Советской страны на конференции. Рузвельт также поддержал эту идею, афористично заявив: «выходом из лабиринта войны является лишь всемирная организация»⁹⁶.

Приверженность этой согласительной платформе позволила наметить контуры этой будущей организации – ООН. Предполагалось, что в неё войдут 35-40 государств, которые периодически будут собираться в разных местах и вырабатывать рекомендации по актуальным вопросам международной жизни. исходя из американской формулы «четырёх полицейских», планировалось образование исполкома, который обладал бы теми же полномочиями, которые имеет нынешний Совет Безопасности ООН.

Укрупняя значение феномена «Тегеран-1943» скажем так: именно тогда и там были заложены краеугольные камни – принципы деятельности Организации Объединённых Наций. До создания этой

⁹⁶ См. Уткин А. Указ. соч. С. 83–85.

организации «опекунство» в мире должны были осуществлять три великие державы – СССР, США, Англия⁹⁷.

Тогда, в Тегеране, все стороны считали, что дипломатия миротворчества одержала победу. Уточним, что это было лишь этапное миротворческое достижение, впереди на этом пути всех, особенно Россию, ожидали проблемы более сложного порядка. Ей ещё нужна была победа на многих направлениях военного театра. Открытие второго фронта прибавило стране, народу и дипломатам большую страстность. Черчилль (яркий антисоветчик по морально-мировоззренческим представлениям) был вынужден признать, что именно Россия «сумела выбить жизнь из германского военного монстра» и благодаря русским, «чьи колоссальные человеческие жертвы – одни лишь они – сделали возможным возвращение Британии в Европу»⁹⁸.

Но в мире большой политики нет постоянно-вечных констант – истин, даже «клятва на крови» часто теряет силу, побеждает конъюнктура. Советское руководство, особенно его дипломатический мозг, не прельщались эмоционально-восторженными эскападами западноевропейских политических боссов. Поэтому в свою тактическую линию всегда оперативно старались вносить такие дипломатические элементы, шаги-меры, которые впоследствии работали на достижение стратегической цели.

В условиях, когда одна Россия несла на себе, казалось бы, неподъёмно-тяжёлый крест ответственности за исход Великой схватки систем-цивилизаций, было принципиально важно уловить суть, происходящего внутри политической кухни тех, кто когда-то

⁹⁷ См. подробнее: *Тагиров Э.Р., Андреев М.В.* ООН: глобальная безопасность и устойчивое развитие человечества. Казань: изд-во «Познание», 2020.

⁹⁸ *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 114–115.

породил и, в принципе оставался верным духу концепции «санитарного кордона» против СССР. В этом плане ветер миротворческого духа конференции «Тегеран-1943» еще долго дул в паруса советской дипломатии. О серьезных сдвигах – отходах от Тегеранской миротворческой философии, происшедших в умонастроениях западных союзников весьма талантливо описывает в своих трудах ученый-международник Анатолий Иванович Уткин. Вот лишь некоторые его зарисовки, характеризующие трудный процесс наступления ими на свои – «англосаксонские пятки». «...Речь Рузвельта в сочельник по радио дышала невиданным еще оптимизмом. Он объявил, что поручил Эйзенхауэру атаковать противника «с нашей стороны компаса» навстречу победоносным войскам русских. Рузвельт сообщил американскому народу, что нашел общий язык с маршалом Сталиным. «Я полагаю, что мы найдём общую линию поведения с ним и русским народом». В этом выступлении президент заверил американцев, что они «могут смотреть в будущее с подлинной, обоснованной уверенностью», что «мир на земле, добрая воля в отношении народа могут быть утверждены и обеспечены... В Тегеране мы посвятили свои усилия выработке планов по созданию такого мира, который единственно может быть оправданием всех жертв войн». Интересна ещё одна заставка А.и. Уткина в эту тему: «В два часа ночи Рузвельт попросил о чести произнести последний тост: У каждого из нас своя собственная философия, обычаи и образ жизни. Но мы здесь, в Тегеране, потому что отличные друг от друга идеалы наших наций могут быть совмещены в единое гармоничное целое в ходе общего движения во имя благополучия всего мира».

Англичане с трудом переносившие тегеранский переговорный дух и политический климат, воцарившаяся, тогда после короткого этапа признания значимости Тегеранской конференции, первыми предприняли шаги к дезавуированию ее решений и перешли к политике давления на СССР. Привожу ещё один абзац из книги А.и.

Уткина для демонстрации двуличности не только английского лидера, но и британской дипломатии в целом. «Черчилль в 1944 году сделал попытку приобщения Англии к ядерному проекту как одной из гарантий сохранения Англией положения великой державы... Англия, попав в атомной клуб, как предполагалось, получит доступ к сверхоружию, она одна стала избранным партнером США... Вооружённая атомным оружием Англия будет подлинным надзирателем над Европой, освобождая Америке простор для мировой инициативы»⁹⁹.

Ялтинская (иногда её определяет как Крымская) конференция в истории войны в практике и философии миротворчества занимает особое, специфическое место. Почему? Она является последней «весной» в истории совместной деятельности союзников по антигитлеровской коалиции. Западная дипломатия в Ялте выработала почти всю свою миротворческую энергию. На сохранившемся историческом фотоснимке можно заметить почти братски-дружественную улыбку на лицах всей «великой тройки»: и. Сталина, Ф. Рузвельта, У. Черчилля. На конференции были определены и согласованы планы союзных государств и намечены основные принципы их послевоенной политики с целью создания прочного мира и системы международной безопасности. Уточнены и положения о роли ООН в послевоенном мире. Ялтой были довольны почти все. Американская сторона хотя и не сумела протолкнуть «Декларацию об освобождённой Европе» (инструмент западного вмешательства в дела Восточной Европы), но в целом оценила конференцию как «исключительно хорошую». Черчилль в Ялте, пользуясь плохим состоянием здоровья Рузвельта, пытался быть спикером переговоров. Москва же в Ялте явно вела себя как хозяин положения. Хотя на фронте положение оставалось архисложным.

⁹⁹ Уткин А.И. Указ. соч. С. 96.

Итак, Ялта вошла в историю миротворчества в образе восходящей Весны Победы. Чуть забегаая вперёд, заметим, что на следующей – «третьей точке кипения» – в Потсдаме руководители СССР, США и Англии держались менее дружелюбно, чем в Ялте. Весьма заметно на этом скажется смерть Рузвельта – демократического «якоря» союзных наций. Еще накануне Потсдама, Черчилль внес свою лепту в охлаждение характера союзнических миротворческих действий. В мае 1945 года он писал Трумэну: «Над Восточным фронтом опускается железный занавес»¹⁰⁰.

Следующим крупно-этапным пунктом для выработки российской миротворческой дипломатической стратегии явился Потсдам. Речь идет о Потсдамской конференции (июль-август 1945 г.), ставшей узловым моментом в истории войны. Запад понимал, что война заканчивается и его волновал вопрос, каким и чьим будет мир. Обескровленная Россия по понятным причинам имела право быть первой скрипкой в послевоенном мировом оркестре. Америка, бессметно обогатившаяся, жонглировала атомной картой. У. Черчилль, чувствуя и предвидя впредь усиление стратегического и политического влияния США, стал называть себя «лейтенантом» Рузвельта.

По вышеизложенным соображениям западные союзники предпринимали меры по ускорению времени проведения Потсдамской конференции. По выражению А.и. Уткина, американская делегация была полна решимости не повторить судьбы Версальской конференции¹⁰¹ и взять в свои руки процесс принятия

¹⁰⁰ См. Глобальная геополитика. М.: изд-во МГУ, 2017. С. 89.

¹⁰¹ Версальский мирный договор (1920 г.), подписанный по итогам Первой мировой войны, не ликвидировав разногласия между победителями и побежденными, заложила основу для противоречий между самими победителями.

мировых решений. Союзники опасались: «не растают ли американская и британская армии перед красным потоком с востока». Кроме массы других важных вопросов фундаментальными в повестке дня «Потсдам-1945» все-таки были два: судьба послевоенной Германии и учреждение Организации Объединенных Наций. Вопрос о статусе послевоенной Германии, ставший яблоком раздора среди союзников, затмил собой дискуссию об ООН. Новый президент США Трумэн давил своей концепцией «мир по-американски». Во время работы Потсдамской конференции – «24 июля 1945 года в разговоре со Сталиным Гарри Трумэн сообщил, что у США появилось новое оружие невиданной разрушительной силы. Сталин тогда сделал вид, что не понял значения этого события, хотя он, конечно же, знал об американском ядерном проекте и торопил советских ученых, занимавшихся аналогичными разработками»¹⁰². Вот почему можно считать, что от Потсдама берёт начало поворота в мировой политике – от союзничества к конфронтации. «Призрак мира, – отмечает А.и. Уткин, – в котором ось глобальной политики проходил через Вашингтон и Москву, отодвинулась». На неостывшей ещё от войны ниве всечеловеческой жизни, стали обозначаться всполохи холодной войны.

Три крупных геополитических всплеска на рубеже войны и мира, основательно и надолго изменили ход мировой истории, развернувшейся было к ценностям сотрудничества и солидарности народов Планеты. Первая волна холодной войны пришла из-за океана. Оттуда, где успели похоронить «новый курс» Ф. Рузвельта, возродили ковбойский дух, предопределив переход США к политике гегемонства в мире. По-своему значению это был редкий пример в

¹⁰² См.: *Нечаев С.Ю.* Великая Отечественная война. Полная история. М., 2019. С. 302.

мировой истории мгновенного ментального скачка в умонастроении целой нации.

Следующая фаза уже развязанной холодной войны связана с феноменом «Фултона». Фултонская речь Черчилля стала подлинным манифестом холодной войны. «Между Триестом на юге и Штеттином на севере» на Европу опустился «железный занавес». Русские не желают войны, но они хотят получить плоды войны и безграничную экспансию их мощи и доктрин – нет ничего, чем они восхищались бы больше, чем сила... Единственным способом избежать худшего является братская ассоциация англоговорящих народов»¹⁰³. После этих слов зал, где сидел президент США Трумэн и европейская элита, замер. Все понимали, что они стали свидетелями поворота Колеса истории.

Еще не остыла в воздухе милитаристская речь Черчилля, как нахлынула ещё одна антисоветская волна. Она вошла в историю под названием «Доктрина Трумэна», где обосновывалось «божественное» право править миром «по-американски». А широко обнародованный «План Маршалла» завершил процесс формирования каркаса концепции панамериканизма. Советский союз, не успев похоронить погибших и приступить к исцелению ран, полученных в годы второй мировой и Великой Отечественной войн, вновь был ввергнут в пучину, теперь уже холодной войны.

Вот почему проблема создания ООН в полный рост встала не только перед СССР, но и всем человеческим сообществом. Из области пожелания, она обрела силу исторического вызова. СССР – Победитель вновь взвалил на себя роль пионера «войны» за мир. из-под придавленных плит грузом войны, необходимо было извлечь идеи и опыт достижения консенсуса, надо было приступить к

¹⁰³ Уткин А.И. Указ. соч. С. 392.

строительству Дома Миротворчества. Это историческое право она обрела, сумев сохранить в огне войны гуманитарно-миротворческое зерно.

§4. «Ялтинская формула» – интеллектуальное завоевание Великой Победы

Отшумела война, Уже давней историей стала. А никак не отпустит Тревожную память бойца. От фугасов и мин Мы очистили наши кварталы, Но какой же сапер Разминирует наши сердца?

Виктор Кочетков, поэт-фронтовик

В начале февраля 1945 г. советские войска, освободив территории Польши, вышли к Одеру. На этом панорамном поле начала работу Ялтинская конференция. На конференции лидеров большой тройки, проводивших пленарные заседания и встречи в период 4–11 февраля 1945 г. (Крым¹⁰⁴, Ливадийский дворец, бывшая резиденция Николая II), были приняты решения, которые вместе с Потсдамскими дали основания для определения целой геополитической эпохи – Ялтинско-Потсдамская¹⁰⁵. В эпицентре ее были вопросы мирного урегулирования, начиная с определения границ и принципов отношений государств и кончая социально-экономическими проблемами.

¹⁰⁴ Еще в конце 1944 г. в переписке Сталина и Рузвельта обсуждался вопрос о месте конференции. Предлагались разные варианты, включая побережье Средиземного моря. Сталин отстоял советское предложение – Крым.

¹⁰⁵ Глобальная геополитика: кол. монография / под ред. и.и. Абылгазиева, и.В. ильина, и.Ф. Кефели. М., 2017. С. 88.

В Ялте-1945 наступило максимальное за период войны сближение трех государств. Ф. Рузвельт одну из встреч сравнил с семейным обедом. У. Черчилль зондировал вопрос о превращении Крыма в международную зону отдыха, а И. Сталин выразил мысль о целесообразности превращения Крыма в постоянное место встреч большой тройки.¹⁰⁶ Свои впечатления от встреч в Ялте по возвращении на родину премьер-министр Великобритании изложил в парламенте: «Маршал Сталин и советские лидеры желают жить в почетной дружбе и равенстве с западными демократиями. Я считаю также, что они хозяева своего слова». Далее он произнес заключение, вошедшее в анналы дипломатии. «Мне не известно ни одно правительство, которое выполняло бы свои обязательства, даже в ущерб самому себе, более точно, нежели русское Советское правительство. Я категорически отказываюсь пускаться здесь в дискуссии относительно добросовестности русских. Совершенно очевидно, что эти вопросы касаются будущего всего земного шара»¹⁰⁷.

Ф. Рузвельт после Крымской конференции продолжал двигаться по двум дорогам одновременно – вильсонизм и силовой аспект. В духе первого маршрута он провозгласил в конгрессе, что Ялта стала финалом односторонних действий и исключительных союзов и «всех способов, которые испытывались на протяжении столетий и неизменно проваливались». Одновременно он допускал, что русские пойдут своим путем в оккупированных ими зонах, сопровождая это предположение уверенностью, что «общие рамки

¹⁰⁶ Уткин А.И. Мировая «холодная война». М, 2005. С. 177, 181.

¹⁰⁷ Черчилль У.С. Триумф и трагедия / сокр. пер. с англ.; под ред. А. Орлова. М., 2004. С. 226–227.

сотрудничества предотвратят превращение советских сфер влияния в сферу советского контроля»¹⁰⁸.

Крымская конференция стала судьбоносным событием не только для «олимпиа» мировой политики. Тогда был продемонстрирован высокий уровень взаимодействия союзников по военной коалиции. Заметим: более прозрачный уровень международных решений во многом предопределялся боевыми операциями и действиями Красной Армии. И это не был призыв к завоеванию территорий «от Гибралтара до Пешавара»¹⁰⁹! Разумеется, достижение компромиссов сопровождалось явными и «подковерными» разногласиями. На Крымской конференции положительное решение принято по вопросу о создании международной организации безопасности. Достигнута договоренность созвать 25 апреля в Сан-Франциско конференцию для учреждения ООН. США и Великобритания обязались поддержать допуск в нее Украинской и Белорусской ССР¹¹⁰.

Одним из пунктов повестки дня Ялтинской встречи был вопрос о праве вето, когда у американцев возникли разногласия с англичанами и русскими. Американцы настаивали, что право вето не относится к числу международных вопросов, а только к конкретным наказуемым и прочим мерам. Сталин озвучил позицию советской стороны так: СССР готов участвовать в совместных операциях с США и Великобританией, но никогда не позволит малым государствам вмешиваться в русские дела. Советская сторона, пойдя

¹⁰⁸ Цит. по: *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 203.

¹⁰⁹ Фраза из припева западных колонизаторов (Б. Брехт).

¹¹⁰ *Мяжков М.Ю., Обичкина О.Г.* история России. Двадцатый век. 1914-1991. М., 2009. С. 398.

на некоторые уступки Рузвельту и Черчиллю, отстояла необходимость единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН по важнейшим решениям в вопросах сохранения мира, не исключая военные и экономические принудительные меры.

Процесс принятия решений – один из ключевых аспектов в работе любой международной организации, мощным фактором, влияющим на эффективность организации. «Краеугольным камнем» является процедура принятия решений в органах, в случае с ООН это в первую очередь Совет Безопасности. Вопросам голосования в Совете Безопасности посвящена ст.27 Устава ООН. Согласование единой позиции в Совете Безопасности (СБ) было самой сложной при решении важнейших вопросов, переданных в компетенцию СБ, включая осуществление совместных вооруженных действий, в том числе против суверенных государств, может поставить под угрозу всю систему международной безопасности. В основу процедуры принятия решений положен принцип единогласия всех постоянных членов СБ.

Принцип единогласия великих держав был возведен на уровень одного из основных институтов современного международного права. Э.Х. Аречага утверждает, что Ялтинская формула коллективного согласия работает лишь при условии сотрудничества держав по периметру сотрудничества в войне. Однако сразу после конференции в Сан-Франциско механизм потерял эффективность. А Ялтинская встреча имела недостатки. «Признав за пятью постоянными членами Совета Безопасности право вето, система безопасности Устава ООН с самого начала допустила существенное ограничение сферы своего действия.¹¹¹ Рассуждения упомянутого автора выведем за скобки, поскольку они включают инвективы:

¹¹¹ Аречага Э.Х. де. Современное международное право. М., 1983. С. 178.

«Признав за пятью постоянными членами Совета Безопасности право вето, система безопасности ООН с самого начала допустила существенное ограничение сферы своего действия, так как любая попытка применить санкции по отношению к любому постоянному члену Совета Безопасности заранее сознательно отвергается».¹¹² Более того, каждый регион мира и государство как до, так и после войны входили в сферу интересов того или иного государства— постоянного члена СБ, в первую очередь США и СССР.

Практически любой международный конфликт в мире в годы холодной войны включал в себя интересы этих двух держав и был конфликтом между ними. Это в еще большей степени осложняло реализацию Ялтинской формулы и часто вело к обструкции в деятельности Совета. А ведь именно ее старались не допустить творцы Устава ООН, памятуя об опыте Лиги Наций. Указанные обстоятельства привели к тому, что с первых лет существования ООН и СБ начали звучать голоса против права вето. Сначала это были ведущие западные государства во главе с США. В случае отмены права вето они бы получили контроль над Организацией, поскольку прозападно настроенные страны имели большинство в Генеральной Ассамблее и не имели бы тогда обязательного условия согласования своей политики с Советским Союзом в Совете Безопасности.

С конца 1960-х число новых членов Организации росло, и за отмену права вето стали высказываться страны Движения неприсоединения, так как круг государств с этим полномочием, несмотря на трехкратное увеличение числа членов Организации, не увеличился и не изменился. Так, на совещании министров иностранных дел неприсоединившихся стран в Джорджтауне отмечалось: «Тенденции великих держав монополизировать принятие важных, общих для всех стран решений, или же оказывать влияние на

¹¹² Там же.

эти страны, или же действовать в обход ООН, когда речь идет о вопросах, представляющих жизненное значение, – барьер на пути обеспечения эффективности ООН».¹¹³

Итак, причинами постановки вопроса о реформе права вето в СБ, стали:

- конфронтация великих мировых держав в обстановке холодной войны привела к невозможности реализовать принцип мирного сосуществования и консенсуального решения вопросов обеспечения международного мира и безопасности;
- несправедливое географическое представительство в составе стран, использующих право вето в СБ, создало ситуацию «оторванности» постоянных членов СБ при разрешении наиболее важных международных вопросов от остального мирового сообщества.

Ныне мир уже не находится в состоянии жесткой идеологической конфронтации. Даже представитель левого сектора политических кругов, лидер КПРФ Г.А. Зюганов пишет: «Человечество отныне может развиваться только как единое целое, иначе оно просто не справится со своими проблемами; оно в принципе уже может сознательно и планомерно управлять этим развитием»¹¹⁴. Сегодня есть все предпосылки для создания многополярного миропорядка, есть все условия для достижения консенсуального согласия стран в вопросах обеспечения международного мира и безопасности. С учетом рассмотренных выше предложений есть и возможность привлечения в состав постоянных членов, обладающих правом вето, новых наиболее влиятельных государств с учетом принципа справедливого географического представительства. Это Индия, Германия, Бразилия, Япония, Нигерия и др.

¹¹³ Утегонова Д.К. ООН и движение неприсоединения. М., 1991. С. 137.

¹¹⁴ Зюганов Г. Глобализация: тупик или выход? // Диалог. 2004. № 6. С. 16.

Таким образом, закрепленный в Уставе ООН механизм принятия решений в СБ на основе принципа единогласия постоянных членов, состав которых бы формировался в соответствии с принципом справедливого географического представительства, не ущемлял бы права современных постоянных членов, был бы условием создания и обеспечения многополярного миропорядка. Положения статей Устава ООН, закрепившие Ялтинскую формулу принятия решений в СБ, не устарели, не утратили значимости, а, наоборот, должны стать еще более эффективным и авторитетным механизмом. Он сделал бы реальным, а не декларативным создание всеобъемлющей системы международного мира и безопасности, не допускающей блоковой конфронтации или присвоения одной страной или группой таких стран (альянсом) права принимать решения, имеющие значение для всего мира.

С учетом изложенной позиции хотелось бы более детально провести анализ предложений по реформе права вето (его ограничения). Это:

- разграничение процедурных и непроцедурных вопросов;
- распространение права вето только на определенные главы Устава;
- непредоставление права вето новым постоянным членам или предоставление этого права в ограниченном виде;
- преобразование индивидуального права вето в коллективное;
- создание механизмов преодоления права вето, в частности через ГА;
- изучение вопроса о неприменимости права вето при воздержании и неучастии постоянных членов в решении вопроса.

Н.А. Ушаков считает, что «право вето – это обязанность, долг, который вытекает из той сугубой и острой ответственности, которую несут пять великих держав за мир и безопасность народов»¹¹⁵. Таким образом, воздержание от голосования и неголосование постоянных

¹¹⁵ Ушаков Н.А. Принцип единогласия великих держав в Организации Объединенных Наций. М., 1956. С. 54.

членов по вопросам, которые, в частности, могут быть связаны с введением прямых мер в отношении государств-членов ООН, в том числе и мер военного характера, является, по сути, формой снятия ответственности за поддержание международного мира и безопасности постоянным членом СБ, что несовместимо с самим статусом постоянного члена СБ и является недопустимой практикой, установившейся в работе СБ.

Обратим внимание на то, что сегодняшняя дискуссия относительно права вето необходима, в частности, для выявления и разрешения таких дискуссионных ситуаций, как неучастие или воздержание постоянных членов в принятии решений по непроцедурным вопросам, для рассмотрения и других спорных и далеко не однозначных вопросов. В целом же процедура принятия решений в Совете Безопасности является далеко не тем аспектом реформы, который требует коренного пересмотра соответствующих положений Устава ООН и введения новой практики. Основанием для такого заключения служат две причины:

- Несмотря на то, что многим странам в их предложениях, поданных в соответствующую Рабочую группу, была заявлена позиция о необходимости отмены или ограничения права вето, можно утверждать, что право не будет отменено или ограничено в ближайшем будущем, так как сегодняшние постоянные члены, без которых невозможно провести какие-либо изменения в отношении этого права, выступают за его сохранение в существующем виде. Так, в российской Доктрине внешней политики главным аспектом реформы СБ указывается: «Реформирование ООН должно исходить из незыблемости права вето постоянных членов Совета Безопасности ООН»¹¹⁶.

¹¹⁶ Концепция внешней политики РФ // РГ. 2000. № 133. 11 июля.

- В соответствии с практикой последних лет в СБ все более применим консенсуальный способ принятия решений, а право вето становится лишь крайней и исключительной мерой, не подвергающей деятельность СБ обструкции. Так, в интервале 1993–1997 гг. вето применялось всего восемь раз.

В связи с этим обоснованными и объективными являются выводы авторов проекта реорганизации управления и системы принятия решений ООН, подготовленного Ассоциацией содействия ООН в США. Авторы проекта мира и безопасности, объясняют это скорее характером международных отношений, чем недостатками в руководстве и структуре ООН. Хотя процедуры голосования в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности далеко не идеальны, вряд ли представляется возможным в ближайшее время подвергнуть их реформе. Существующие установления, как явствует из Устава ООН, являются отражением четко взвешенных политических соображений и уже успели глубоко укорениться»¹¹⁷.

Разумным и эффективным в этом смысле является развитие практики консенсуальных решений в Совете с использованием так называемого индикативного голосования, в рамках которого члены Совета Безопасности могут потребовать публичного указания позиций по предлагаемым мерам. При таком голосовании голоса «против» не будут иметь эффекта вето¹¹⁸.

¹¹⁷ Организация Объединенных Наций в будущем (проект реорганизации управления и системы принятия решений ООН, подготовленный Ассоциацией содействия ООН–США). М., 1988. С. 20.

¹¹⁸ Доклад группы высокого уровня по вызовам, угрозам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность». A/59/565. 2005. С. 85. См. www.un.org/secureworld/).

В связи с изложенной выше позицией ряда авторитетных политиков, в частности, Генерального секретаря ООН (1992–1997) Бутроса Б. Гали, выраженной в том, что «ограничение использования права вето Советом Безопасности ООН изменит имидж СБ, внесет значительный вклад в процесс демократизации»¹¹⁹, вряд ли в полной мере можно согласиться. С учетом установления практики принятия консенсуальных решений в СБ и крайне редкого использования постоянными членами права вето, а также того обстоятельства, что институализация реформы вето невозможна в силу несогласия на нее действующих постоянных членов, в рамках реформы процедуры принятия решений необходимо ставить вопрос не об отмене права вето, а наоборот, о неизменности, а возможно, и о развитии этого института. Сегодня, когда нет свойственного послевоенным годам блокового противостояния, есть все основания для нормального разрешения важнейших международных проблем на основе принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности.

После учреждения ООН на Парижской мирной конференции 14 сентября 1946 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов, апеллируя к Ялтинской формуле, заявил: единогласия великих держав является «главным и принципиальным элементом ООН»¹²⁰. Это была попытка формирования нового миропорядка. С начало холодной войны поставило под сомнение принцип сосуществования двух идеологий и консенсуального разрешения международных проблем.

В ситуации, когда СССР принял на себя основное бремя войны с гитлеровской Германией, позволяя Америке окончательно оправиться от кризиса и радикально нарастить военное производство,

¹¹⁹ Гали Б. К вопросу о будущем организации объединенных наций // Дипломатический ежегодник-2007. М., 2008. С. 43.

¹²⁰ Молотов В.М. Вопросы внешней политики. М., 1948. С. 187–190.

Ф. Рузвельт считал Советский Союз не авангардом социализма, а геополитическим фактором. С позиций отстаивания своих интересов политика Москвы напоминала политику имперской России. Как результат, Рузвельт создал «ялтинскую аксиому», давая понять, что военный союз может продолжаться и после Второй мировой войны – по обоюдоприемлемым правилам и нормам поведения¹²¹.

Однако после смерти Ф.Рузвельта новый президент США Г.Трумэн (бывший вице-президент) уже в 1945 г. заявил о гегемонистских претензиях: «Одержанная победа возложила на американский народ постоянную ответственность за руководство миром»¹²².

Такая установка претворялась в практику уже во второй половине 1945 г. США берут курс на то, чтобы остановить сдвиг мировых сил влево, ворваться на рынки государств, освобожденных от влияния Германии и Японии, сделать ООН инструментом строгих полицейских акций. Роль сателлита отвергал только Советский Союз¹²³.

Не отрицая интенций в направлении взаимодействия, говоря о координации усилий во имя мира на планете, надо признать: ООН была итоговым интеллектуальным, а отнюдь не только дипломатическим продуктом эволюции коллективного человеческого разума. И даже сооружение Дворца Наций Мира может быть приравнено к таким исторически рубежным поворотам, как переход от древности к средневековью¹²⁴ и т.п. Дорогу к ООН расчистило

¹²¹ Уткин А.И. Указ. соч. С. 6.

¹²² история дипломатии. Т. V. М., 1974. С. 12.

¹²³ Уткин А.И. Указ. соч. С. 10.

¹²⁴ Тагиров Э.Р. Человечество на этапе разлома истории. Миссия ООН. Казань, 2016. С. 230.

военное поколение советских людей. Можно писать об истории создания ООН и писать, но при этом помнить, что совпадение во времени Победы СССР в Великой Отечественной войне и создание ООН не случайно. И это еще одно напоминание о правде истории нынешнему поколению соотечественников.

Заключение

Чего мы добиваемся, вгрызаясь в тему войны? Не проще ли ее закрыть, забыть? Ведь в глубину ее тайн уже не добраться: дело не только в том, что ее документальная основа зияет невосполнимыми «дырами» уничтожения, утраты документов; растет лава мифов, спекуляций, фальсификаций о войне. Тема войны беспощадно «актуализируется» с разной целью: узко-партийной, идеологической, политической, геостратегической... Война в такой «обработке» вносит раскол в семью народов единого советского цивилизационного Дома, сеет раздор между бывшими союзниками в борьбе против германского фашизма. «Война – фальсификат» вновь разрывает «шар любви» – Планету, усиливает вольт напряжения по линии «Запад-Восток», грозит новой сшибкой между ними. В отличие от Второй, новая мировая война будет кардинально отличаться, ибо она может стать «последним» сражением теперь уже ядерных держав за глобальное господство в третьем тысячелетии. Из уже разбитого «Ящика Пандоры» растекается тьма конфликтов, войн, революций. Культура войны, насилия и смерти находится в наступлении на философию мира, согласия и жизни. «Война всех против всех», развязанная нынче, уводит от правды Великой Войны и Великой Победы, сознательно, целенаправленно готовит почву для нового «блицкрига». Человечество, находясь в состоянии «новой смуты», готово поддаться соблазнам, перспективой которых «обстреливают» из жерла пропагандистской машины. Его сознание обволакивается фатой изящно оформленной идеи о «новом мировом порядке», где будут править бал «демократия», «права человека», «мир» и «благоденствие». Цифровая эра «войне» цивилизаций придает бескомпромиссный характер. При этом сама – главная тема транзитного времени – Великая Отечественная война как главная содержательная начинка Второй мировой отходит вглубь истории, покрываясь пылью беспамятства, вызывая болезнь инфантильности.

Как часто задают вопрос: а вообще-то нужно ли загружать память кошмаром воспоминаний о войне? Ведь память слишком нежна, хрупка и непрочна, чтобы вечно и в полном объеме нести в тяжелый груз трагического прошлого. Даже будучи сполна «напоенной» кровью, насыщенной скорбью, она в своей хранительной способности начинает давать сбои. Такова природа памяти, она не защищена от воздействия времени, «каток» которого утрамбовывает один событийный пласт за другим.

Великая Отечественная война в числе всех прошедших самая страшная и бескомпромиссная из войн в мировой истории. Ее исход означал ответ на вопрос быть или не быть человеческой цивилизации. Но даже от такой «загрузки», осознания трагизма войны память о ней мелеет. Образ войны меняется от поколения к поколению. Ее событийная насыщенность, эмоциональная составляющая и историческая значимость постепенно угасают. Идет процесс индульгенции исторической памяти. В ее обойме-«коробке» все меньше сохраняются «ключевые вехи» войны, выполняющие функции опорных точек общественного самосознания, самоидентификации народа. Их «изъятие» из исторической ткани памяти может создать эффект разрыва между крупнейшими хронотопными полосами – зонами, такого же, как обрыв нити жизни человека, народа, человечества. Когда иногда самый искусный врач не может пришить оторванную руку, ногу, голову. Зияющая дыра в познании цельной эпопеи войны травмирует не только память, сознание, совесть, но изменяет типологию культур, цивилизаций, народов. Между теми, кто видел войну живьем, и теми, кто знает о ней по рассказам, «это два разных человека» (Василь Быков). Выведение из пласта памяти, оголенного войной нерва, ослабляет генетический код нации.

Дай Бог, чтобы нынешняя юбилейная волна интеллектуальных изысканий достигла исходной цели: «оживила» ключевые вехи военного лихолетья, очистила память от наслоений безвременья,

выполола «траву забвения», проросшую на пути советского Солдата к Рейхстагу, защитила его образ как установителя Мира, защитника Свободы, открывателя новой страницы в истории человеческой цивилизации. Надежд, ожиданий от юбилея много. Уж слишком много накопилось будоражащего и непроященного, дискуссионного, фальсифицированного по поводу этой решавшей судьбы народов мира эпопеи. Сбудутся ли все они?

Несомненно, юбилейный год Победы раздвинул границы мышления, активизировал аналитическую мысль, породил бум интереса к теме Великого Одоления, размах мыслепотока и практического действия приблизился к осмыслению реального масштаба войны. В орбиту переосмысления уроков войны были включены не только воевавшие страны, но и те, кому удалось уберечься от угрозы фашистского порабощения. Разговор о войне обрел планетарный масштаб. «Осколки» войны «влетают» в программные речи президентов, партийных лидеров, идеологов мира. Каждый из политиков преследует свои цели, имеет разные точки зрения, через сюжеты о войне они выстраивают схему внутреннего действия и взаимодействия международного на «сегодня» и на «завтра».

Россия задала камертон вселенскому пробуждению исторической памяти. «Мы будем защищать правду о Великой Отечественной войне и бороться с любыми попытками исказить эту правду и оскорбить память тех, кто пал». Эта нравственная установка, озвученная Президентом страны В.В.Путиным, стала ориентиром и одновременно призывом к активизации каскада инициативных движений памяти. Юбилейный год в этом плане инициировал новую волну патриотических начинаний, озвучил струны отзывчивости, развязал многие узелки памяти. Возрождение движения «красных следопытов»; открытие музеев, мемориалов и Досок Памяти; шефство волонтеров над семьями участников войны;

проведение серии фестивалей, конкурсов, авто-мото-велопробегов; создание семейных альбомов, архивов и генеалогического древа предков; издание серии тематических сборников – «Лейтенантская проза», «Поэты войны», «Сыны полка», «Комсорги войны», «Татарстан – фронту»; целый вал статейных публикаций, книг, монографий. Все – это лишь некоторые штрихи к явлению подъема гражданского самосознания, патриотического порыва в обществе.

Среди множества инициатив, направленных на разворот памяти к рубежному сороковому, особо эмоциональным накатом выделяется выполненный студенческой молодежью проект «Фронтовое письмо». Прикосновение к этому малоизвестному пласту документов вызвало у участников шок, катарсис. «Эти письма эпохи войны / Что хранятся в семейных архивах / На бумаге налет желтизны / и потерты до дыр на изгибах / Эти письма эпохи войны / Не обычного требуют чтенья / Тем их краткие строки сильны / Что мы сами их продолжение». Эти поэтические строки стали вдохновляющим эпиграфом поисково-аналитической деятельности. «За потемневшими, оборванными и полуистлевшими листками, огромная человеческая цена Победы... Эти скромные треугольники в нашем сознании приравниваются к святыням». «Читаешь корявые наспех набросанные строчки и мурашки бегут по коже от «эффекта присутствия» на смертном рубеже». «Мучает вопрос: как они, тогда наши отцы и деды, сестры и братья выдержали, выстояли, победили?». Таков неполный поток мыслей и мучительных вопросов, содержащихся в этом уникальном проекте.

Большая комплексная Программа по подготовке к 75-летию юбилею Победы над фашизмом выполнена в Республике Татарстан. Создана специальная правительственная Комиссия. Выработанная концепция общенациональной работы в этом направлении стала частью подготовки к 100-летию ТАССР. Особенность Программы: общенациональный характер (это праздник не только на «улице

татар», но всенародный), концептуально отработанный, практическая ориентированность (всколыхнула все слои общества, сплотила поколения). 75-летний юбилей Победы над фашизмом, соединенная с энергией 100-летия ТАССР, в целом сыграла роль духовного катарсиса, идейного сплочения, стала нравственного возмущения и средством экономики – технологического рывка.

Как оценить значимость феномена «пробуждения памяти», возвращения к истокам Победы? Как эмоциональную вспышку кратковременной силы горения? или как начало глубинного осмысления будущего в ответе прошлого? Что стоит за этими двумя подходами? А может быть, за ними проглядывают нечто большее – альтернативы дня завтрашнего?

Нынешний юбилейно-победный всплеск – наиболее мощный после Парада сорок пятого года. Но и он может «остыть», уйти в песок времени, если продолжать «убаюкивать» сознание философией «юбилеи приходят и уходят, а жизнь продолжается». Не преодолеть, не превзойти мощь проводимой, начиная с сорок первого года и по настоящий день, широкой и планомерной программы по разрушению образа Великой Отечественной войны. Ныне создается немало пиар-проектов как внутри, так и вне России, являющихся на самом деле ее продолжением. Аргументационная база таких «продвинутых» акций строится на порожденных фашистской, а в период «холодной войны» – антисоветской пропагандой, мифах. Их изощренность, технологически-информационная продвинутость, наступательность поистине достойны удивления¹²⁵.

Одной из излюбленных тем ими – нашими оппонентами

¹²⁵ Более подробно см.: Ампутация памяти: война с историей, вандализм и реабилитация нацизма. Аналитический доклад московское бюро по правам человека // Независимая газета. 2020. 12 марта.

(отечественными и зарубежными) – это вопрос о цене Победы. Вопрос действительно сложный – этически, нравственно, психологически. Мы с особым акцентом произносим слово «Победа»... Она стала самой сокровенной, вдохновительной идеей, определявшей алгоритм жизнедеятельности воюющей страны. Она стала высшей целью народа, смыслом его существования. Но поднявшись на ее вершину, погрузившись в психологию победности, мы долгое время в силу многих обстоятельств не актуализировали вопрос о том, какая была заплачена Цена за Свободу, Будущее – собственное и всего человечества. Вынесение этого вопроса в глобальную политическую повестку неизбежно было связано с определением ответственности за неисчислимые жертвы. Именно нежелание выявить ее во многом и обусловило фальсификацию военной истории.

Война вошла в дом, семью каждого советского человека. Всенародность беды, конечно, рождала мысль, какой же ценой досталась победа. Еще 25 июня 1945 г., на следующий день после парада на Красной площади, А.Довженко, например, с горечью отмечал в своем дневнике: в торжественной речи маршала Жукова «не было ни паузы, ни траурного марша, ни молчания». Как будто эти «тридцать, если не сорок миллионов жертв и героев... совсем не жили». «Перед великой их памятью, перед кровью и муками не встала площадь на колени, не задумалась, не вздохнула, не сняла шапки». К сожалению, традиция «умолчания» и снижения количественного порога людских потерь, продолжала господствовать и впоследствии.

Сталин назвал цифру потерь – 7 млн человек, Хрущев – 20 млн, Брежнев – «более 20 млн», Горбачев – 23 млн. Всевозможные «игры» со статистикой войны привели к тому печальному факту, что из всех воевавших во вторую мировую государств, только в России (СССР) до сих пор неизвестны точные цифры потерь. А они

колоссальны. По разным оценкам потери в войне колеблются между 40 и 43 млн человек. То есть каждый день войны гибли около 25 тыс. человек. В сводной оценке людских потерь, на долю СССР пришлось от трети до половины всех мировых потерь, в то время как у Германии и ее союзников фронтовые потери составили 6,7 млн человек, в США же в годы войны потеряли менее 400 тысяч человек.

Некоторые исследователи до сих пор считают, что вопрос о цене Победы носит провокационный характер, поскольку позволяет рассматривать эту «цену» как чрезмерную, а, следовательно, поставить под сомнение необходимость этой победы. Вряд ли можно согласиться с таким мнением. Цена Победы была и остается узловой проблемой, без решения которой невозможно познание истории Великой Отечественной войны.

Речь идет не о призыве к «охоте на ведьм», поиске «крайних» и даже не о выпячивании жертвенных аспектов войны. Важно изменить парадигмальную схему ее осмысления. Слагаемых цены Победы много – внешних и внутренних, объективных и субъективных, но их отсчет надо начинать не с «конца» – финала, а с преддверия войны, первых ее дней, месяцев, периодов.

В ценностном измерении предстоит перелистать каждую ее страницу, начиная от Мюнхена, Пакта о ненападении, предвоенной «маршальской бойни», трагедии окруженных и растерзанных армий и вплоть до битвы за Берлин, в ходе которой сложило голову сто тысяч лучших сынов и дочерей советского народа.

Ценностной подход предполагает не только количественное, но качественное измерение человеческих потерь. Война «выкосила» самую активную, жизнеспособную генерацию людей. Наиболее велики были потери среди мужского населения – около 20 млн мужчин не вернулись домой. Из них половину составляли молодые люди в возрасте до 20 лет. Из общества, по существу, был изъят самый плодородный – «гумусный» слой. Огромны были и

материальные потери страны, которые оценены Чрезвычайной государственной комиссией в 2569 миллиардов довоенных рублей. Это одна треть всего национального богатства страны.

В таких координатах есть смысл оценивать величие и цену подвига поколения сороковых. «Война все спишет», «победителей не судят», «за ценой не постоим» – это сентенции из философии антигуманного прошлого. Кровь людская – поистине, не водица. Из ее живых капель образуется величие духа и мощь нации.

Уроки войны. Тоже из числа каверзных тем. «Будь ты проклята, война». Проклятие, идущее из глубин столетий как заклинание, как завешание и предостережение предков. Ибо война – это всегда разделительная линия на лагеря, блоки и фронты. Это не только край пропасти, а бездна, пучина, проглатывающая высшую ценность – жизнь, обрывающая ее крылья на взлете к будущему.

И все-таки. Войны были, есть и будут. Почему? Что это – родовая травма человечества? Неизлечимый, врожденный инстинкт агрессивизма, воинственности? Если бы это было так, то человечество не имело бы за плечами столь длинную, прогрессирующую историю своей цивилизации. Война – порок социальный. Она, по Гераклиту, «есть бог и царь всего». В таком качестве ее семена зреют не где-то, а в сознании человека. «Мысли о войне возникают в головах людей» – константа, закрепленная в Преамбуле Устава ЮНЕСКО.

Как противостоять вирусу войны, становящейся нормой существования, множющейся в своих вариациях: Национализма, религиозного фанатизма, ксенофобии, терроризма...? Действенным противоядием всему этому может стать лишь погружение памяти в правду о Великой Отечественной войне, определение ее значимости для каждого из нас, особенно входящих в жизнь представителей молодого поколения, осознание ее суровых, отрезвляющих и в то же время, заряжающих оптимизмом, уроков. Как не может наступить

зрелость человека без получения уроков – семейных, школьных, университетских, жизненных, так не возможно и становление гражданина, патриота, интернационалиста без познания уроков, вытекающих из ошеломившего весь мир общенародного Подвига, массового Заклания во имя продолжения жизни на Земле.

Уроков у войны хватит на обучение всех нынешних и последующих поколений. Каждый из 1418 дней и каждая из 1418 ночей Великого Стояния есть открытый урок для открытого сердца.

Извлечение исторических уроков – особая, наиболее сложная наука и работа коллективной памяти. Ибо это – наука философского проникновения, концептуального осмысления, макроанализа исторических событий. Чем они масштабнее, тем принципиальнее критерии их адекватности. К сожалению, зачастую претензии на обобщение исторического опыта ограничиваются скольжением по поверхности явления, не обретая форму урока как такового. Отсюда «методологические» ошибки в текущей политике страны, за которые приходится расплачиваться. «История – это философия в примерах», – полагал древнегреческий историк Фукидид, одним из первых определяя необходимость «обучения» истории. «История – не учительница, а надзирательница. Она ничему не учит, но сурово наказывает за незнание уроков». Это не просто афоризм гениального историка России В.Ключевского, надвременная аксиома, приговор манкуртам, «Иванам непомнящим».

В специальной литературе, да и в школьно-вузовских учебниках уроки Великой Отечественной войны сводят к совокупности информационных и статистических данных, набору назиданий, перечню ошибок и неудач или, наоборот, – блистательных побед и достижений. Если следовать внешнему, событийному анализу, то каждый день, а то и час войны преподносил массу уроков по поводу того, как следовало и как не следовало действовать. Война предстает кладезем уроков, неиссякаемым источником

разнообразных истин. С точки зрения материалистического рационализма все они значимы, важны.

Важнейшим уроком, вытекающего из истории Великой Отечественной и Второй мировой войны является то, что нельзя допустить повтора новой войны как формы противоборства различных конфликтогенных проектов по переустройству современной мировой системы. Ныне, в условиях господства однополярного проекта глобализации фашизм может обрести контуры поистине мирового явления, и мир не меньше, чем 75 лет назад, нуждается в спасении от новых форм геноцида, социал-дарвинизма, расизма в исторических альтернативах истории. Вот почему взоры человечества вновь и вновь обращены к символу и образу Победы советского народа над фашистской Германией.

Победа – это не просто событие в классически-историческом смысле слова. В ней материализованная сила духа истории, идейной крепости, высокой нравственности, преданности и любви Родины. история до сих пор не знала примера столь массового патриотизма, всенародного героизма, какой явила советская страна. Не безысходность, а сознательный выбор между свободой и фашистским порабощением превращал подвиг в этическую норму. Вера в торжество правого дела, воплощение в жизнь сокровенной мечты двигало народом в его порыве приближения Победы.

Это – распространенная трактовка коллективного портрета народа-победителя, советского воина и труженика тыла, сложившаяся в годы войны. Но она фиксирует феномен, «выросший» на духовном поле. Его «семена» взращивались, лелеялись и культивировались советским социальным проектом. Этический урок и смысл Духа истории войны состоит в том, что Победа одержана стороной, олицетворяющей правду, справедливость, гуманность.

Советское общество военной поры продемонстрировало миру беспрецедентную, поразительную историческую модель единения

людей и народов разных национальностей, вероисповеданий, принадлежащих разным культурным, мировоззренческим системам. Сама идея диалога культур, народов, религий и цивилизаций¹²⁶, вновь ставшая формулой взаимодействия людей в XXI в., основана на опыте тех, крошечных военных лет. Эта же идея выковала силу, сокрушившая фашизм.

Усилению позиций западной версии причин, хода и итогов Великой Отечественной и одновременно ослабления исторической памяти в познании Правды о войне является «уход» из бытия главных ее агентов, «винтиков», живых еще ветеранов, чьи действия ускоряли движение к Победе. Их – живых «осколков» войны можно перечесть на пальцах. Долгое время солдатам войны запрещалось распространяться на тему о войне, да и исконно российская людская скромность поток воспоминаний сужала. Дети и внуки, уходя в мир житейских забот, также незаметно теряют интерес к фронтовому бабайско -дедовскому прошлому.

Семейные посиделки по вечерам, посвященные некогда «главной» теме, скрупулезная инвентаризация сохранившихся вещественных остатков фронтовиков (фотографий, солдатских писем, звездочек, ремней, ложек, фляжек), пионерские зарницы, «красные следопыты» – все это осталось в прошлом, и по мере ухода детей войны эта створка памяти также может закрыться.

Сейчас солдатам-победителям не страшно всю правду-матку о войне высказать, но им, цепляющимся за волосок жизни трудно это сделать. Так как оставшийся в живых ветеран воюет за квадратный метр жилплощади, теряется в догадках о том, как растянуть на

¹²⁶ О возросшей значимости усиления миротворческой энергии феномена диалога в современную эпоху, свидетельствует инициатива Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша о развертывании глобальной дискуссии «Диалоги – ООН 75».

текущие нужды и ЖКХ свое недостойно-жалкое пенсионное пособие. Так и не удалось в общегосударственном масштабе составить общенациональную Книгу воспоминаний творцов Победы. Неужели не преступно: сдавать в небытие те позиции, высоты, жизненно значимые тогда и в той же мере важные для нас сегодня в духовном, гражданском, нравственном измерении? Редеют ряды ветеранов. Уходят без ответа на вопрос: за что же воевали? Уходят, ведь уходят, оголяя фронт нашей судьбы. Уводят с собой горечь правды о войне. Закрывая собой, как тогда, телами своими строчащие огнем пулеметы врага, поучительнейшую полосу летописи человечества, обездоливая наше будущее, обрекая на сиротство память, потерю во мгле истории.

Если этот вопрос воспринят как стрела, способная вонзиться в ткань сердца, пробудить совесть, толкнуть на действия, тогда не все еще потеряно. Но прозрение начнется лишь тогда, когда праздник Дня Победы очистится от гламурного глянца официоза, от топ-шоушного шабаша и превратится в День светлой памяти ушедших, великой скорби по убиенным, прощения за неизмеримую цену добытой для нас Победы.

Гложет душу, беспокоит мысль о том, что будет с памятью о Войне через десятилетия. Ведь она со временем «садится», меркнет. Образ своего отца, погибшего на фронте, я помню смутно, в пределах возможностей двухлетнего возраста. Но у меня к войне свой, до сих пор неоплаченный счет. Войне, отнявшей детство. Осиротившей меня, моих братьев и родственников

Что сохранится в памяти детей после обрыва поколения сороковых? Вся надежда на то, что уроки войны будут усвоены, «вмонтированы» в код нации.

75-й юбилей Победы подарил нам надежду на духовный катарсис. Результаты социологического опроса, проведенного накануне этого юбилея, усиливают это ощущение. Из 10 самых любимых песен россиян – «День Победы» В.Харитоновая заняла

первое место. А в строю 100 песен поэтические строки Расула Гамзатова «Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей...» заняли 33 позицию.

«Пробуждение памяти», очищение совести и историческое прозрение состоится. Ведь впереди время еще более сложное и войн в нем не перечесть.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Историография Великой Отечественной войны: мифологемы или приближение к подлинности.	6
§1. К историографии Великой Отечественной: векторы переосмысления	6
§2. Историческая память и покушения на ее адекватность.....	26
§3. Образы войны.....	34
§4. Враги или друзья? К вопросу о коллективной исторической памяти.....	52
Глава II. XX век: человечество на весах Истории	62
§1. Двадцатый век – «век-волкодав»	62
§2. Война цивилизационных проектов.....	66
§3. СССР: тяжелый крест миротворчества.....	74
§4. «Ялтинская формула» – интеллектуальное завоевание Великой Победы.....	89
Заключение.....	101